

НОМ-ТИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2019 ГОДА

САЛМАН

РУШДИ

КИШОТ

Салман Рушди

Кишот

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66442720

*Кишот: роман / Салман Рушди; пер. с англ. А. Челноковой: АСТ:
CORPUS; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-121730-3*

Аннотация

Сэм Дюшан, сочинитель шпионских романов, вдохновленный бессмертным шедевром Сервантеса, придумывает своего Дон Кихота – пожилого торговца Кишота, настоящего фаната телевидения, влюбленного в телезвезду. Вместе со своим (воображаемым) сыном Санчо Кишот пускается в полное авантюр странствие по Америке, чтобы доказать, что он достоин благосклонности своей возлюбленной. А его создатель, переживающий экзистенциальный кризис среднего возраста, проходит собственные испытания.

Содержание

Как произносится имя главного героя	5
Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	36
Глава третья	62
Глава четвертая	91
Глава пятая	115
Глава шестая	142
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Салман Рушди

Кишот

Посвящается Элизе

© Salman Rushdie, 2019

© А. Челнокова, перевод с английского, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Как произносится имя главного героя

На французском имя великого Дон Кихота, *Quichotte*, произносится как “key-SHOT”,

на немецком в том же написании как “key-SHOT-uh”,
итальянское *Chisciotte* звучит как “key-SHO-tay”,

в испанском приняты два написания – *Quixote* и *Quijote*,
которые читаются одинаково “key-HO-tay”.

Португальцы предпочитают звуку “h” звук “sh”. Они произносят его во втором слове независимо от написания – *Don Quixote/Quijote*.

Возможно, сам Сервантес произносил это имя как “key-SHO-tay” в соответствии с нормами испанского языка своего времени.

В нашем тексте мы предпочитаем использовать эlegantное французское “key-SHOT” – со временем причины такого выбора будут непременно ясны читателю.

И все же, наш добрый читатель, ты волен сам выбирать милое твоему сердцу звучание, ведь для всех и каждого из нас единственный в своем роде Дон – свой.

Часть I

Глава первая Кишот, Мужчина в годах, познает Любовь, отправляется в Странствие и становится Отцом

Жил когда-то в Америке, не имея постоянного адреса, торговый агент родом из Индии, чьи годы стремительно уходили, унося с собой способность трезво мыслить, а непомерная любовь к бессмысленным телепередачам привела к тому, что в желтых от электрического освещения номерах дешевых мотелей он слишком много смотрел телевизор, от чего с ним случился редкий психический недуг. Он поглощал утренние программы, дневные передачи и шоу после полуночи, смотрел ток-шоу, мыльные оперы, комедии, реалити-шоу, второсортные сериалы для подростков, сериалы о врачах, полицейских, вампирах и зомби, истории из жизни домохозяек из Атланты, Нью-Джерси, Беверли-Хиллс и Нью-Йорка. Он следил за развитием любовных отношений, примирениями и ссорами между гостиничными принцессами и самопровозглашенными принцами, за людьми, прославившимися благодаря тому, что в нужный момент они оказались голыми, за сиюминутной славой юнцов, получивших известность в социальных сетях после пластических операций, сделавших их обладателями третьей груди либо – благодаря удалению ребер – фигуры, точь-в-точь повторяющей недостижимые для человека формы куклы Барби производства фирмы “Маттел”, а также за облаченными в малюсенькие трусики-бикини девушками, чей путь к славе был намного проще, ведь им посчастливилось выловить гигантского карпа в живописной местности. Смотрел он также конкурсы певцов и кулинаров, бизнес-дельцов и бизнес-настав-

ников, мастеров управлять игрушечными машинками-монстрами и модельеров, шоу одиноких сердец для холостяков и незамужних девушек, бейсбольные матчи, баскетбольные матчи, футбол, рестлинг, кикбоксинг, экстремальный спорт и – непременно! – конкурсы красоты. (Он никогда не смотрел “хоккей”. Для человека его этнического происхождения, чья юность прошла в тропиках, хоккей – к тому же известный в США как “хоккей на траве” – был игрой, в которую играют на поле. А потому он считал, что играть в хоккей на льду – все равно, что кататься на коньках по лужайке.)

В результате такого непрерывного поглощения телевизионной продукции, которая прежде была ему доступна лишь благодаря складывавшемуся в изображение потоку электронов на экранах телевизоров с лучевыми трубками, а в новые времена – на плоских жидкокристаллических и плазменных мониторах, или дисплеях на органических светодиодах, он сделался жертвой все чаще поражающего нас психического недуга, из-за которого в сознании людей стирается грань между правдой и вымыслом. Случалось, что он вовсе не мог отличить реальность от “реальности” и считал себя настоящим жителем (вернее, невидимым обитателем) воображаемого мира по ту сторону экрана, что был столь мил его сердцу и – как он искренне верил – служил для него, а также для всего человечества, моральным, общественным и практическим руководством, как следует жить на свете. Время шло, и он увязал в этих зыбучих песках нереальной реаль-

ности все глубже, по праву считая себя ее частью, вступая во все более тесные отношения с обитателями этого красочного мира, словно современная Дороти, всерьез раздумывающая, не перебраться ли ей в страну Оз навсегда. Так продолжалось, пока в какой-то момент все это не переросло в нездоровое (а каким еще может быть влечение, обреченное остаться без ответа) чувство, направленное на одну конкретную обительницу телевизионного мира – прекрасную, дерзкую и обожаемую публикой мисс Салму Р., – в слепую страсть, которую он сам, довольно опрометчиво, принял за настоящую любовь. Любовь, во имя которой он поклялся, презрев любые опасности, отыскать путь в тот лучший из миров, в котором, среди себе подобных, в высоком разрешении обитает его “возлюбленная”, чтобы рыцарскими подвигами и душевным благородством навсегда завоевать ее сердце.

Этот человек медленно разговаривал и медленно двигался, немного приволакивая при ходьбе правую ногу вследствие произошедшего много лет назад Внутреннего События. Случившееся тогда повредило и его память: до мелочей помня события глубокой давности, он лишь обрывочно мог припомнить, что происходило с ним в среднем возрасте. Его воспоминания об этом периоде жизни были как груда кирпичей, наспех накиданная нерадивым строителем, желающим создать видимость ровной стены, тут и там зияющая дырами и пробелами. Эти лакуны в памяти он заполнял фальшивыми воспоминаниями, которые черпал из увиденного по те-

левизору В целом же, несмотря на все недостатки, для своих лет он пребывал в весьма хорошей форме. Это был высокий человек с несколько, пожалуй, вытянутой фигурой, как на картинах Эль Греко или в скульптурах Альберто Джакометти. Как правило, люди с подобной внешностью оказываются склонны к меланхолии; ему же, напротив, посчастливилось обладать неоценимыми для торгового агента достоинствами: располагающей улыбкой и старомодными манерами джентльмена. В свои лучшие годы, довольно долго, он как раз работал торговым представителем. Успеху на этом поприще способствовала и подходящая фамилия – Смайл. *“Мистер Исмаил Смайл, менеджер по продажам, фармацевтическая компания «Смайл», Атланта, штат Джорджия”* – гласила его визитная карточка. Он очень гордился, что носит ту же фамилию, которая фигурирует в названии корпорации, где он работает. Традиционное для семьи имя. Название семейства товаров. Это непременно должно давать определенные преимущества – по крайней мере, он в это верил. Однако теперь, когда наступила пора его последнего, самого невероятного приключения, он решил выбрать для себя другое имя.

(Необычная фамилия *Смайл*, кстати говоря, представляет собой американизированную форму фамилии *Исмаил*, так что на самом деле престарелый торговый представитель мог зваться мистер Исмаил Исмаил или, если угодно, мистер Смайл Смайл. Темнокожий американец, вождедеющий тем-

нокожую американку. Впрочем, сам он никогда не считал, что все, что с ним происходит, как-то связано с его расой. Он сделался человеком, не зависящим от цвета собственной кожи, если так, конечно, можно сказать. Таковым сделал его избранный им путь. Путь, следуя по которому ему суждено подвергнуть сомнению и в корне поменять еще очень многое в своей жизни.)

Чем больше он думал о женщине, любви к которой он поклялся посвятить себя до гробовой доски, тем яснее осознавал, что столь влиятельная особа едва ли рухнет в обморок от счастья, услышав от совершенно незнакомого человека, что он испытывает к ней *amour fou*, безумную любовь. (Он был безумен, но *не настолько*.) А значит, ему следует продемонстрировать всем и каждому, что он достоин ее, и с этого момента главным делом его жизни станет сбор подобных доказательств. Именно так! Он докажет, что достоин ее! Сейчас, когда он начал свое странствие-квест, ему важно постоянно информировать о своих деяниях объект обожания, а потому ему следует вступить с ней в переписку, одно за другим посылать письма, в которых он сможет излить перед ней свою душу, раскрыть всю силу своей любви и неколебимую решимость, с какой он будет завоевывать ее руку и сердце. В этот момент его одолели сомнения. Если он раскроет перед ней всю ничтожность своего настоящего положения, она, возможно, с милым смешком отправит его письмо в мусорную корзину, после чего для нее с ним будет навсегда покон-

чено? Если сообщит в письмах свой возраст или опишет детали внешности, она, быть может, отшатнется от него, испытает одновременно ужас и веселье? Если напишет свою, явно указывающую на благородное происхождение фамилию Смайл, к тому же связанную с большими деньгами, возможно, прочитав его письмо в дурном настроении, она сообщит его имя властям, которые станут гоняться за ним, как за собакой; если предмет его обожания поступит с ним так, это разобьет ему сердце, и он умрет. Поэтому он решил до поры до времени хранить свою подлинную личность в секрете и открыться лишь после того, как его письма и описанные в них поступки смягчат ее сердце и она будет готова благосклонно принять его ухаживания. Но как он поймет, что настал подходящий момент? Этот вопрос он пока оставил без ответа. Прямо сейчас он должен начать нечто важное. И вот однажды ему пришло подходящее для использования в письмах имя, самая верная идентичность, оно явилось ему на границе сна и яви, когда он размышлял, как бы изменилась наша жизнь, если бы волшебные миры, что мы видим за завесой сомкнутых ресниц, смогли проникнуть в реальность и стать ее частью.

В то утро ему снилось, будто он сам будит себя ото сна:

– Взгляни на себя! – зывал снящийся он к себе полусонному. – Такой высокий, такой тощий, уже совсем древний, а бороду смог отрастить клочковатую, как у прыщавого подростка. К тому же, надо признать, немного не в себе, из тех,

кто вечно где-то в облаках витает, таким что кучевые, что перистые, что и вовсе грозовые – все одно милее твердой земли. Вспомни хотя бы, какая музыка тебе больше всего нравилась, когда ты был ребенком! Теперь-то ты, я знаю, предпочитаешь трели участников “Голоса” или “Американского идола”. А ведь когда-то любил то, что слушал твой наделенный художественным вкусом отец, по части музыки ты разделял его предпочтения. Помнишь его любимую запись?

Не успела по мановению руки снимающегося Смайла появиться виниловая пластинка, как полусонный Смайл тотчас узнал ее. Это был “Дон Кихот”, опера Жюля Массне.

– Весьма отдаленно соотносится с шедевром Сервантеса, ты согласен? – задумчиво изрек фантом. – Как и ты весьма отдаленно напоминаешь себя самого.

Все было решено. Он выбрался из кровати в своей полосатой пижаме – гораздо проворнее, чем обычно, – и захлопал в ладоши. Да! Вот псевдоним, которым он станет пользоваться в своих любовных письмах. Он станет для нее непревзойденным джентльменом, Кишотом. Он будет ее Ланселотом, а она его Гвиневрой, он унесет ее в Радостный Гард. Он будет для нее, как выразился Чосер в “Кентерберийских рассказах”, *verray, parfit, gentil*— истинным, совершенным, благородным рыцарем.

Мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, напомнил он себе. Он много раз слышал, как люди говорили это по телевизору и в видеосюжетах, плавающих в киберпространстве,

что придавало его одержимости свежий, высокотехнологичный оттенок. Больше не существует правил. В Эпоху, Когда Возможно Все, возможно все. Те, кого ты считал друзьями, могут оказаться врагами, а бывшие враги – самыми близкими тебе людьми, даже любовниками. Теперь нельзя что-либо предсказать – ни погоду, ни вероятность войны, ни исход выборов. Женщина может влюбиться в домашнюю свинку, а мужчина жить с совой. Спящая красавица, пробужденная поцелуем, может начать говорить на незнакомом языке и проявлять совершенно иной характер. Наводнение может стереть ваш город с лица земли. Ураган может подхватить ваш домик и унести в далекую страну, приземлясь в которой он раздавит злую волшебницу. Преступники могут становиться королями, а короли оказываться преступниками. Человек может обнаружить, что женщина, с которой он живет, – незаконнорожденная дочь его отца. Целая нация может сигануть с утеса, словно стая леммингов. Актеры, исполнявшие на телевидении роли президентов, могут стать президентами. Может закончиться вода. Женщина может родить ребенка, которого еще до рождения будут считать богом. Слова могут утрачивать свои прежние значения и приобретать новые. Может случиться конец света – по крайней мере, один крупный воротила от науки настойчиво пророчит это. Дурной запах – предвестник конца. Вот и телезвезда может чудесным образом ответить взаимностью старому простофиле, и эта невероятная романтическая победа станет

искуплением всей его долгой и ничтожной жизни, она озарит его последние дни светом подлинного величия.

Кишот пришел к своему великому решению в гостинице “Под красной крышей” (Гэллап, штат Нью-Мексико, население 21 678 чел.). Торговый агент с желанием и завистью смотрел на историческое здание гостиницы “Эль Ранчо”, в которой в эпоху популярности вестернов останавливались приехавшие на съемки кинозвезды, начиная с Джона Уэйна и Хамфри Богарта и заканчивая Кэтрин Хепберн и Мэй Уэст. “Эль Ранчо” была ему не по карману, и он проехал дальше, к более скромной “Под красной крышей”, которая полностью вписывалась в его бюджет. Он был человеком, безропотно принимающим то, что отмеряла ему жизнь. В то утро, когда он проснулся в гостиничном номере новым удивительным человеком, телевизор, который он вчера забыл выключить, всюду работал. На экране Стив Стэкер, ведущий прогноза погоды на канале КОВ-4, представлял в программе “Парад питомцев” своих любимцев, очевидно, также звезд прогноза погоды, псов Радара, Реза, Сквики и Таффи. Значит, была пятница, и свеженареченный мистер Кишот (для себя он сразу решил, что не имеет ни малейших оснований претендовать на аристократическое “Дон”) был полон сил – словно перед ним чудесным образом появилась усыпанная цветами дорога, которая должна привести его прямо к возлюбленной, – несмотря на усталость после рабочей недели, которую он провел, объезжая практикующих врачей в Аль-

букерке и окрестностях. За вчерашний день он успел побывать в трех компаниях, *Rehoboth McKinley Christian Health Care Services*, *Western New Mexico Medical Group* и *Gallup Indian Medical Center* (последняя специализировалась на медицинском обслуживании представителей коренного населения здешних мест, индейцев племен хопи, навахо и зуни). Продажи шли хорошо – так он считал, несмотря на сдавленные смешки и неодобрительные мины, с которыми люди встречали его осторожные откровения по поводу предстоящего отпуска, который он проведет в самом Нью-Йорке (население 8623000 чел.) со своей новой девушкой, Очень Известной Особой, настоящей королевой высокорейтингового телевидения. К тому же он оконфузился в медицинском центре для индейцев:

– Я ведь индеец, то есть практически индеец! Точка на лбу – вот и все различия! Я счастлив быть здесь, в индейско-индийской стране! – Эту его остроту никто не оценил.

У него уже давно не было постоянного пристанища. Его домом была дорога, гостиной – салон машины, гардеробной – чемодан; всевозможные “Под красной крышей”, “Шесть дней в неделю”, “Жилье посуточно” и другие гостиничные заведения предоставляли ему постель и телевизор. Он предпочитал те, где предлагали хотя бы несколько платных кабельных каналов, но, за неимением лучшего, мог довольствоваться и базовым пакетом программ. Однако тем утром у него не было времени для местной звезды прогноза погоды

и его собачек из приюта. Он хотел поговорить с кем-нибудь из друзей о своей любви, рассказать о странствии, в которое готов пуститься ради нее.

По правде говоря, друзей у него не осталось. Был богатый двоюродный брат, работодатель и покровитель доктор Р. К. Смайл, его жена со счастливым именем Хэппи, хотя с ними обоими он виделся довольно редко, да еще портье из нескольких отелей, в которых он особенно часто останавливался. Еще несколько людей внутри страны и по всему миру могли испытывать к нему теплые, возможно дружеские, чувства. Кроме того, была одна женщина в Нью-Йорке (она называла себя Женщиной-Трамплином), которая могла снова начать ему улыбаться, если ему повезет и она примет его извинения. (Он знал – или полагал, что знает, – что непременно должен перед ней извиниться, хотя до конца не помнил за что, и порой ему казалось, что его пострадавшая память играет с ним злую шутку и извиниться перед ним должна она.) У него не было ни социальных связей, ни группы единомышленников, ни школьных товарищей, ни просто нормальных мужиков; он давно отошел от суетной жизни в обществе. Среди тех, кого он пригласил сам или чье приглашение в друзья принял на своей странице в фейсбуке, помимо немногочисленных коллег торговых представителей были лишь всякого рода искатели приключений, самовлюбленные фанфароны, эксгибиционисты и разбитные дамы, чей эротический пыл сдерживали лишь общепринятые пуритан-

ские правила. Эти “друзья” по репостам узнали о его плане, когда он опубликовал его на своей странице, и сразу поняли, что это глупая, практически безумная затея, они начали уговаривать его – ради его же блага – не преследовать мисс Салму Р. и не домогаться ее. В ответ на свой пост он получил рожицы насупленных эмодзи, неодобрительно опущенные вниз большие пальцы и гифки с изображением мисс Салмы Р., где она закатывала глаза, показывала ему язык и крутила пальцем у правого виска, что на универсальном языке жестов означает, что она считает его совсем “ку-ку”. Увы, это его не остановило.

Подобные истории, как известно, ничем хорошим закончиться не могут.

В годы своей юности – оставшейся в таком далеком прошлом, что воспоминания о ней были довольно яркие, – он был настоящим странником, истинным пилигримом, не чета бродяге-торговцу, которым стал теперь, и исколесил весь свет вдоль и поперек, желая увидеть все, что можно увидеть от мыса Горн и Огненной Земли, края земли, где кажется, что мир исчерпал все свои краски, и всё вокруг, люди и предметы, видится черно-белым, до пустынного Восточного Ирана, от кишашего тараканами Бама до приграничного Закедана, сбросившего власть шаха, от залива Шарк в Австралии, где он плавал среди чувствительных ко всему дельфинов, до живописнейшего африканского региона Серенгети,

где наблюдал большую миграцию антилопы гну. Он праздновал Холи на Маврикии с говорящими на бходжпури потомками рабочих-переселенцев из Индии, а Бакр-Ид – в Кашмире с кормящимися за счет изготовления кашмирских шалей обитателями высокогорной деревушки Ару на леднике Колахои... Как бы там ни было, Внутреннее Событие, произошедшее с ним, едва он вступил в средний возраст, изменило все раз и навсегда. Придя в себя после случившегося, он почувствовал, что навсегда утратил свои амбиции и любопытство, что большие города давят на него и он жаждет забвения и одиночества.

К тому же он стал страшно бояться авиаперелетов. Он запомнил сон, в котором он сначала падает, а потом тонет, и пришел к убеждению, что сама идея передвижения по воздуху – самая глупая и вредная затея, предложенная сильными мира сего простым смертным вроде него самого. То, что самолет взлетел и его пассажиры благополучно прибыли в пункт своего назначения, – вопрос удачи. Это ничего не доказывает. Он не намерен лишиться жизни, рухнув (как в своем сне) с небес в воду либо (что, видимо, еще менее приятно) на землю, а потому, раз уж божество здоровья было милостиво к нему и даровало определенное выздоровление, он твердо решил, что больше никогда не поднимется на борт ни одного монстроподобного перевозочного контейнера, способного поднять его на тридцать тысяч футов от земли, а то и выше. Он выздоровел, хоть и слегка хроمال, и с тех пор пе-

редвигался исключительно наземным транспортом. Временами ему хотелось совершить какое-то морское путешествие – скажем, вдоль американского побережья в Бразилию или Аргентину, либо через Атлантический океан в Европу, но до организации путешествия дело так и не дошло, к тому же его слабеющее здоровье и стремительно тающий банковский счет не оставляли возможности для осуществления подобного предприятия. Итак, он стал истинным сыном дороги, и навсегда им останется.

Он возил с собой старенький рюкзак, в котором хранил, тщательно обернув бумагой и целлофаном, маленькие сувениры из прошлых поездок: сомнительный образец “найденного искусства” из Китая – отполированный камень с рисунком, отдаленно напоминающим лесистый горный пейзаж; слепок человеческой головы в духе гандхарской буддийской скульптуры; раскрытую в умиротворяющем жесте деревянную руку из Камбоджи с символом мира на ладони; пару кристаллов – поменьше и побольше, – имеющих правильную форму звезды; викторианский медальон, внутрь которого он поместил фотографии родителей; три другие фотографии тропического города времен его детства; изготовленную в эдвардианскую эпоху английскую машинку для обреза сигар в виде дракона с отточенными зубами; коробок индийских спичек формы “Чита” с изображением крадущегося гепарда; маленькую мраморную фигурку удода, а также Китайский веер. Эти тринадцать предметов имели для него

особое значение. Заходя в снятый на одну ночь гостиничный номер, он тратил около двадцати минут на то, чтобы их расставить. Они должны были располагаться в точном порядке, занимать друг относительно друга определенное положение, и стоило ему удачно их расставить, он немедленно чувствовал себя дома. Он знал, что, если эти священные для него предметы не займут каждый свое место, его жизнь утратит равновесие, он ударится в панику, провалится в депрессию и в конце концов умрет. Сама его жизнь была заключена в этих предметах. Пока они у него, его путь лишен опасностей. Эти вещи были его прибежищем.

Ему повезло, что Внутреннее Событие не превратило его в полного идиота вроде постоянно спотыкавшегося повредившегося головой парня, которого он встретил однажды в парке, не способного ни на что сложнее уборки опавших листьев. Он же много лет проработал торговым представителем фармацевтической компании и продолжал это делать, несмотря на постпенсионный возраст и все менее стабильное и более неустойчивое, непредсказуемо капризное и упрямо одержимое состояние психики, но благодаря доброте все того же двоюродного брата-богатей, Р. К. Смайла, доктора медицины и успешного предпринимателя, который, посмотрев по телевизору постановку по пьесе Артура Миллера “Смерть коммивояжера”, боялся, что увольнение может приблизить безвременную кончину престарелого родственника¹.

¹ Нельзя не отметить, что, как мы уже очень скоро убедимся, доктор Смайл

Фармацевтический бизнес доктора Смайла всегда шел успешно, но обезболивающий препарат фентанил, который его лаборатории в Джорджии не так давно начали производить в форме сублингвального спрея, за короткое время сделал его миллиардером. Будучи распыленным под язык, этот сильный опиоид мгновенно облегчал боль даже у пациентов с последней стадией рака, боль, которую представители медицинского сообщества предпочитают называть, прибегая к эвфемизму, “прорывная”. Прорывная значит непереносимая. А новый спрей мог сделать непереносимую боль переносимой, переносимой хотя бы на час. Благодаря коммерческому успеху этого препарата, зарегистрированного под именем торговой марки *InSmile*¹, доктор Р. К. Смайл мог позволить себе роскошь держать в компании престарелого родственника, закрывая глаза на продуктивность его работы. И вот что странно: оказалось, что прогрессирующее безумие Кишота — одним из главных признаков которого является неспособность отличить *то-что-есть* от *того-чего-нет* — до поры до времени никак не сказывалось на его способности выполнять рабочие обязанности. На самом деле его состояние в чем-то способствовало получению коммерческой выгоды, ведь даже самые сомнительные и при том отнюдь не малочисленные позиции компании он представлял с полной уверенностью в их безусловных конкурентных преимуществах и рекламируемых свойствах, не замечая ни очевид-

при этом был по-настоящему добрым человеком. (Прим. автора)

ной недоговоренности в рекламных акциях компании, ни того, что местами ее продукция нисколько не отличалась от аналогов на рынке, а порой и вовсе им уступала. Его неспособность увидеть границу между реальностью и вымыслом, а также личное обаяние и обходительные манеры, были настолько убедительны, что превратили его в одного из лучших промоутеров компании двоюродного брата.

И все же настал тот день, когда доктор Смайл осознал всю тяжесть овладевающего двоюродным братом недуга и выдворил его на пенсию. Он сообщил об этом Кишоту лично, в самой тактичной форме, специально прилетев во Флагстафф, Аризона (население 70320 чел.) из международного аэропорта Атланты на своем новеньком частном “Гольфстриме G650ER”, после тревожного звонка директора компании *West Flagstaff Family Medicine*, г-на Д. Ф. Вайнона (практикующего остеопата, магистра экономики, члена ассоциации семейных врачей-osteопатов), который, не скрывая своей озабоченности, сообщил доктору Смайлу, что разоткровенничавшийся во время деловой встречи Кишот поведал ему, что собирается сопровождать великолепную мисс Салму Р. на следующую церемонию вручения “Оскара”, эту ярмарку тщеславия, в качестве официального спутника, после чего их отношения станут достоянием широкой общественности. Кишот и доктор Смайл встретились в номере отеля “Релакс” (ул. Хисторик-рут, дом 66), в нескольких милях от аэропорта Пульям. Они странно смотрелись рядом: привола-

кивающий ногу долговязый медлительный Кишот и маленький, так и пышущий энергией доктор Смайл, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы понять, что это – большой начальник.

– О чем ты думал? – спросил он с печалью и обреченностью (*на этот раз я не смогу тебе помочь*) в голосе, на что Кишот, ничуть не усомнившись в своем бредовом заявлении, живо отреагировал:

– Признаю, я несколько увлекся и поторопил события. Прошу прощения. Но ты же знаешь, что значит быть влюбленным – просто не можешь остановиться, когда речь идет о твоей возлюбленной, хочешь постоянно говорить о ней одной.

Во время разговора он постоянно щелкал пультом, переключая каналы с баскетбольного матча на канале ESPN на криминальное шоу на *Oxygen* и обратно, что вкупе с подчеркнутой любезностью Кишота раздражало доктора Смайла.

– Ты ведь понимаешь, – произнес он настолько вкрадчиво, как только мог, – что теперь мне придется тебя уволить.

– Конечно. Ничего страшного, – услышал он в ответ, – ведь так совпало, что я как раз собирался отправиться в странствие.

– Ясно, – медленно произнес доктор Смайл. – Должен сказать, что готов предложить тебе крупную сумму в качестве единовременного выходного пособия – не бог весть что, но

и не мало, — чек у меня с собой. Ты скоро убедишься, что и пенсионные выплаты у бывших сотрудников “Смайл фармасьютиклс” не из маленьких. Я надеюсь и верю, что у тебя все будет в порядке. Ну и, как будешь в Бакхеде или летом в Джорджии, на Золотых островах, помни, что наши двери всегда открыты для тебя. Заезжай, поедим бирияни с моей супругой.

Миссис Хэппи Смайл была соблазнительной брюнеткой с пышными волосами. К тому же, вне всякого сомнения, на кухне она была настоящей волшебницей. Заманчивое предложение.

— Большое спасибо, — вежливо поблагодарил Кишот, засовывая в карман чек. — Скажи, пожалуйста, ты же не будешь возражать, если я приеду к вам вместе с Салмой? Когда мы воссоединимся, будем неразлучны, ты сам увидишь. Уверен, моей Салме очень понравится восхитительный бирияни, что готовит твоя супруга.

— Ну разумеется, нет! — заверил его доктор Смайл, поднимаясь, чтобы уйти. — Обязательно приводи ее к нам! И вот еще что, — добавил он, — теперь, когда ты на пенсии и больше не работаешь на меня, мне бы очень пригодилось, если бы я мог иногда просить тебя оказывать мне небольшие личные услуги. Ты мой близкий родственник, проверенный член семьи, и я знаю, что смогу полностью тебе доверять.

— Буду счастлив выполнить любую твою просьбу, — с легким поклоном ответил ему Кишот, — ты всегда был для меня

лучшим кузеном на свете.

– Ничего сложного, честное слово, – заверил доктор Смайл, – просто неофициальные поставки без огласки. Само собой, я беру на себя все накладные расходы, буду возмещать наличными.

Он немного замешкался у двери в комнату. Кишот неотрывно следил за происходящим на баскетбольной площадке.

– Чем ты собираешься заняться? – поинтересовался доктор Смайл.

– Можешь за меня не волноваться, – ответил Кишот, и на лице его заиграла счастливая улыбка, – дел у меня полно. Просто сяду в машину и поеду.

Уже давно, с тех пор как начались его странствия по стране на стареньком темно-сером “шевроле круз”, Кишот мечтал о жене и ребенке. Как было бы здорово, если бы на соседнем сиденье ехал его сын, которому он мог бы передать руль и несколько часов покемарить; сын, с которым он мог бы обсуждать актуальные проблемы мирового рынка и непреходящие ценности, а нескончаемая дорога под колесами автомобиля сблизила бы их, путешествие даровало бы им единение, которого невозможно достичь дома, в покое. Истинное родство – подарок, который может даровать одна лишь дорога тем, кто достоин и следует по ней с должным уважением. Населенные пункты по пути их следования были бы для них не более чем техническими остановками на пути, в

конце которого их душам предстоит слиться в мистическом союзе и познать вечное блаженство.

Но у него не было жены. Ни одна женщина не пожелала быть с ним рядом хоть сколько-нибудь долго, вот и детей не случилось. Так звучала краткая версия. В длинной версии, которую он запрятал так глубоко, что и сам мог теперь отыскать ее с трудом, присутствовали женщины, к которым он питал чувства, которых обожал почти так же сильно, как мисс Салму Р., и которых при этом знал лично. Он был уверен, что является мужчиной, способным на настоящее преклонение перед женщиной, то есть на то, на что большинство его товарищей-мужчин, неотесанные дикие мужланы, были решительно неспособны. А потому ему было больно признать, что практически все женщины, за которыми он пытался ухаживать, довольно скоро после начала этих ухаживаний сбегали от него со всех ног.

К тому же он поссорился с Женщиной-Трамплином. Кто бы из них ни был в этом виноват, расстались они отнюдь не надружеской ноте. Быть может, он еще сумеет все исправить, главное вспомнить, в чем именно он перед ней виноват. Он непременно попробует это сделать.

Что же до его прошлых “романтических” связей, он был рад, что этих женщин больше нет рядом, и даже сомневался, существовали ли они на самом деле. Теперь, когда он решил отправиться в странствие, в конце которого он получит руку и сердце мисс Салмы Р., он почувствовал, будто в глу-

бинах его памяти приоткрылась надежно скрывавшая прошлое завеса, и разом вспомнил все свои утраченные любви. Они прошли чередой перед его внутренним взором: ученый-агроном, менеджер из рекламного агентства, сногсшибательный специалист по связям с общественностью, искательница приключений из Австралии, американская лгунья, английская роза, азиатская красотка с каменным сердцем. Нет! Даже думать о них невыносимо. Они ушли, он избавился от них и больше не позволит им разбивать его сердце. Что произошло, то произошло – по крайней мере, он был почти уверен, что это случилось с ним на самом деле, – и был совершенно прав, похоронив воспоминания о них в самых отдаленных глубинах сердца, испепелив на костре своих несбывшихся надежд, навеки заточив в высокой башне собственных сожалений; забыть, забыть, забыть навсегда. Да, он забыл их – засунул в свинцовый саркофаг и запихал глубоко на дно океана своих воспоминаний, где они останутся лежать навечно, недостижимые даже для рентгеновского зрения супермена; вместе с ними он похоронил и человека, которым был тогда, и все, что этот человек делал, его бесконечные провалы, неудачи, поражения. Ему тогда казалось, что он оставил любые мысли о любви навеки, пока благодаря мисс Салме Р. в его душе вновь не проснулись желания и чувства, которые, как он считал, он навсегда похоронил вместе со своими неудавшимися связями – если, конечно эти женщины существовали в настоящей реальности и не были

отголосками женщин из высшей реальности по ту сторону экрана, – и он не понял, что в нем проснулась последняя, истинная страсть, что он перестал быть заурядным ничтожеством и стал наконец тем великим человеком, что всегда жил внутри него, иначе говоря, Кишотом.

Он был бездетен, и его род должен прерваться на нем, если, конечно, он не попросит о чуде, которое будет ему даровано. К примеру, можно отыскать волшебный колодец. Он стал полностью одержим этой идеей: если он будет действовать в строгом соответствии с тайными принципами работы Желания, возможны любые чудеса. Его связь с реальностью была настолько непрочной, что он всерьез взялся за изучение искусства желаний; помимо исполняющих желания колодцев он повсюду разыскивал исполняющие желания деревья, исполняющие желания камни и – со все возрастающей серьезностью – исполняющие желания звезды. Он провел изыскания, тщательно проштудировав пыльные библиотечные фолианты, посвященные магии звезд, и излазав большое количество веб-сайтов крайне сомнительного содержания (довольно часто ему приходилось видеть предупреждение “Осторожно! Этот сайт может нанести вред вашему компьютеру”), и пришел к выводу, что чаще всего сбываются желания, загаданные во время метеоритного дождя, ровно в ii.ii пополудни, с применением “косточек желаний”.

За год в Южном полушарии бывает семь метеоритных дождей – в январе, апреле, мае, августе, октябре, ноябре и

декабре, это Квадрантиды, Лириды, Аквариды, Персеиды, Ориониды, Леониды и Геминиды. Уже много лет он охотился за ними, не пропуская ни одного, чтобы, с суперточными часами на запястье и достаточным запасом куриных костей в кармане, увидеть, как падает звезда. Он умел быть целеустремленным, когда хотел. За прошедшие годы он уже наблюдал Квадрантиды в окрестностях Манси (население 68625 чел.), штат Индиана, Лириды в Долине монументов и Аквариды в горах Ринкон в пустынной части Аризоны. Предпринятые экспедиции, однако, пока не принесли желаемых плодов. “Не отчаивайся!” – говорил он себе. Уже скоро придет день, и Салма Р. родит ему троих, нет, пятерых – а почему бы нет?! – семерых младенцев одного краше другого, девочек и мальчиков. В этом он был уверен. И все же, принимая во внимание свои седины, он решил, что погоню за метеоритными дождями следует продолжать, тем более что после того, как двоюродный брат освободил его от рабочих обязанностей, у него появилось для этого больше времени. Похоже, его упорство произвело на небесные тела впечатление, ведь жаркой августовской ночью Персеиды исполнили его желание; это случилось в пустыне недалеко от Санта-Фе, в местечке Девилс-Тауэр, Башне Дьявола, Муркрофт (население 1063 чел.), штат Вайоминг. Ровно в 11 часов и минут он разломал 7 куриных косточек, в то время как небесный дождь омыл потоками света созвездие Персея – Персея! воина, рожденного Данаей от Зевса, победителя Горгоны, – и

случилось чудо. Его долгожданный сын, на вид лет пятнадцати от роду, материализовался прямо на пассажирском сиденье его “круза”.

Эпоха, Когда Возможно Все! Кишот не мог сдержать внутреннего ликования. Как же благодарен он был, что ему посчастливилось жить в такое время.

Его чудесным образом обретенный ребенок был черно-белым, выцветшим, словно снятым в модной нынче у многих кинематографистов манере. Кишот предположил, что, возможно, мальчик астрологически связан с известными своей монохромностью жителями архипелага Огненная Земля. А может, его вернули некогда похитившие инопланетяне, чей скрытый завесой метеоритного дождя корабль и сейчас висит над Девилс-Тауэр; они много лет ставили над ним эксперименты, из-за которых он стал черно-белым и за все это время ничуть не состарился. И правда, со временем, узнав сына ближе, Кишот видел в нем человека гораздо более старшего возраста. Больше всего он напоминал Кишоту мальчика с его многочисленных сохранившихся детских фотографий, сделанных на другом конце света. На одной из них девяти- или десятилетний Кишот был запечатлен в традиционном индийском костюме, белой курта-пажама и отцовских солнечных очках. На другой, где он был примерно одного возраста со своим сыном-фантомом и над верхней губой у него уже пробивались усы, он стоял в саду вместе со своей эльзасской сукой-распутницей. В детские годы Кишот

был ниже и полнее большинства сверстников. А в конце подросткового периода вдруг вытянулся во весь свой нынешний рост, словно какая-то неведомая сила схватила его поперек туловища и захотела выдавить, как пасту из тубика, и стал худым, как тень. По всей видимости, черно-белый мальчик как раз находился на пост пастовыдавливательной стадии: высокий и худой, как отец, к тому же в солнечных очках со старой фотографии Кишота. Курты-пажамы, однако, не было, одет он был как типичный американский подросток, в клетчатую фланелевую рубашку и джинсы с отворотами. Едва появившись на свет, он начал распевать старый рекламный сингл; его голос ломался, а явно недавно появившееся адамово яблоко смешно прыгало под кожей:

Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог,
И точно “шевроле”, конечно “шевроле” —
Вот то, что любим мы; то, что любим мы!
Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог...

Широченная улыбка расцвела на узком лице Кишота. Ведь это его сын, его чудесным образом обретенный мальчик, рожденный из мечты отца, как Афина из черепа Зевса, пел для него свою приветственную песнь, песнь сыновьей любви. И старый бродяга во все горло запел вместе с сыном:

Бейсбол, хот-доги, яблочный пирог и “шевроле”,
Только “шевроле”!

Только “шевроле”!

– Санчо, – закричал он, не зная, как выразить свое счастье, – маленький мой глупенький Санчо! Высоченный мой взрослый Санчо! Мой друг, мой товарищ, мой оруженосец! Мы с тобой – Старски и Хатч! Ты Спок, а я Кирк! Ты Скалли, а я Малдер! Ты Би Джей, а я Соколиный Глаз! Ты Робин, а я Бэтмен! Свет очей моих! Ки моего Пила, Стимпи моего Рена, Найлс моего Фрейзера, Арья моего Клигана, Пегги моего Дона, Джесси моего Уолтера, Таббс моего Крокетта! Я тебя люблю! Мой Санчо, мой воитель, ты послан мне Персеем, ты принесешь мне победу над моей Медузой и поможешь завоевать сердце моей Салмы! Как долго я тебя искал!

– погоди, батя, – прервал его воображаемый юноша, – я не втыкаю, ты это сейчас о ком?

Первые дни после ночи Персеева чуда Кишот не мог прийти в себя от счастья, потрясенный чудесным появлением на свет черно-белого подростка, которого он нарек Санчо. Он отослал текстовое сообщение доктору медицины Р. К. Смайлу. Доктор Смайл ему не ответил.

Кожа у Санчо была гораздо темней, чем у отца, это было хорошо видно даже с учетом черно-белого вида мальчика и навело Кишота на убедительное – по крайней мере для него самого – объяснение загадки его появления на свет. Оттенок кожи мальчика почти в точности повторял цвет кожи

его Возлюбленной, мисс Салмы Р. Значит, Санчо мог быть гостем из будущего, ребенком, которого несравненная Салма родит Кишоту после свадьбы, который отправился в прошлое, чтобы стать для своего отца настоящим товарищем, в котором он так нуждался, и положить конец его затянувшемуся одиночеству. Для человека, знающего благодаря телевидению о перемещениях во времени все, такая версия была полностью правдоподобной. Он помнил Доктора Кто, повелителя времени из Британии, и предполагал, что Санчо мог высадиться на Землю со скрытого за сверкающими потоками метеоритного дождя космического корабля вроде ТАР-ДИСа. В таком случае его блеклость и черно-белый вид могли быть не более чем временным побочным эффектом путешествия во времени.

– Приветствую тебя, мой будущий сын! – ликовал Кишот. – Добро пожаловать в настоящее! Вместе мы непременно добьемся благосклонности женщины, которой суждено стать твоей матерью. Как сможет она устоять перед напором не только будущего отца своих детей, но и одного из будущих детей тоже? Успех ждет нас... Знаешь, сколько он значит для тебя? Молодой человек, если мы не сумеем завоевать ее расположение, ты просто не сможешь появиться на свет, а значит, не можешь и сейчас быть здесь. Понимаешь, о чем я говорю?

– Я есть хочу, – бесцеремонно оборвал его Санчо, – может, закончим болтовню и поедим?

Кишот отметил нетерпеливость сына, его неготовность считаться с какими-либо правилами, желание идти вопреки. Ему это понравилось. Истинные герои, супергерои и даже антигерои не отличаются покорностью. Они получаются из тех, кто не желает идти в ногу, плыть по течению или дудеть в одну дуду со всеми. Он вспоминал Шерлока Холмса, Зеленую Стрелу и Нигана. К тому же он понимал, что не был с ним рядом все его детство, *где бы* оно ни прошло. Подросток наверняка таит на него обиду и, возможно, захочет отомстить. Кишоту понадобится время, чтобы убедить мальчика открыться, избавиться от обид, принять отцовскую любовь и одарить его сыновней любовью в ответ. Дорога – самое подходящее для этого место. У бок о бок идущих по дороге есть всего три возможности: разойтись, убить либо понять друг друга.

– Конечно! – с готовностью ответил сыну преисполненный надежд Кишот. – Сейчас обязательно поедим.

Глава вторая
Автор, Сэм Дюшан,
размышляет о Прошлом и
открывает новые Горизонты

Автор этой истории – в дальнейшем мы будем называть его Брат – осевший в Нью-Йорке писатель индийского происхождения, создавший к этому моменту под псевдонимом Сэм Дюшан уже восемь умеренно (не)успешных у читателей шпионских романов. И вот теперь он решился на кардинальные перемены, поскольку его захватила идея написать историю об утратившем связь с реальностью Кишоте и его безумной любовной гонке за сердцем несравненной мисс Салмы Р., создать книгу, совершенно непохожую на все, что он пытался делать до этого. Не успел он окончательно решиться

на это, как им овладел страх. Он не мог понять, как ему в голову мог прийти такой до крайности странный замысел и почему эта история так неотвратимо хочет быть написанной, что не оставляет ему выбора, заставляет взяться за перо. Со временем он стал догадываться, что в каком-то все еще не до конца понятном ему смысле Кишот – алчущий любви безумец, неудачник, уверенный, что непременно завоюет сердце королевы, – его герой Кишот был рядом с ним всю его жизнь, был его тенью, тайным “я”, присутствие которого он порой замечал краем глаза, но никогда не решался на него взглянуть. Вместо этого он кропал свои ничем не выдающиеся романы о жизни тайного мира, спрятавшись за чужим именем. Теперь он видел, что это было лишь способом убежать от истории, отражение которой он каждый день, как в зеркале, видел в себе самом, пусть и краешком глаза.

Его следующая мысль была еще более тревожной. Чтобы нелепый персонаж и закат его жизни, хроникером которых ему выпало стать, обрели убедительность, ему придется писать Кишота с самого себя, ведь автора и его героя связывают общее происхождение, национальность, поколение, место, время и прочие обстоятельства. Быть может, странная история Кишота – метаморфоза, парафраз его собственной жизни. И сам Кишот, узнай он о существовании Брата (что, естественно, решительно невозможно), посчитал бы написанную им историю альтернативным изложением *собственной* судьбы, а не наоборот, и думал бы, что его “придуман-

ную” историю писатель наложил на две их подлинные судьбы.

Короче говоря, они оба были американцами индийского происхождения, один реальным, другой вымышленным, оба давным-давно родились в городе, называвшемся тогда Бомбеем, и жили в соседних – реальных – кварталах. Их семьи с большой вероятностью могли быть знакомы (естественно, если бы одна из них не была вымышленной) и могли вместе играть в гольф или бадминтон в спортивном клубе “Виллингдон” или тянуть коктейли в Бомбейском клубе (то есть в обоих случаях встречаться в реальных местах). Они оба достигли того возраста, в котором все мы неизбежно оказываемся сиротами, а их поколение, предварительно успев свергнуть планету в полный хаос, стремительно уходило со сцены. Оба жаловались на здоровье: Брат горбил спину, Кишот привлекал ногу. Оба с возрастающей регулярностью натывались на имена друзей (реальных и вымышленных) и знакомых (вымышленных и реальных) в колонке с некрологами. Оба были готовы, что это будет случаться еще чаще.

Существовали и более глубокие параллели. Ведь если Кишот лишился рассудка, потому что по-настоящему любил людей по ту сторону телевизионного экрана и хотел стать одним из них, то Брат не меньше пострадал от другой мнимой реальности, где ничему нельзя было верить, отовсюду можно было ждать подвоха, любой мог оказаться кем угодно, где демократия оборачивалась коррупцией, тебя окружали дву-

ликие двойные и трехликие тройные агенты, а любить кого-то означало ставить его под удар, где нельзя было доверять незнакомцам и любые сведения могли с одинаковой вероятностью быть достоверными или оказаться фальшивкой, а патриотизм был добродетелью, за которую тебя не наградят и не похвалят.

Довольно многое в жизни беспокоило Брата. Как у Кишота, у него сейчас не было ни жены, ни детей, но при этом когда-то был сын. Уже давно он исчез, как призрак, и сейчас был бы уже взрослым, но Брат продолжал вспоминать его каждый день с неиссякающей тоской. Довольно давно от него ушла и жена, а финансовое положение не отличалось стабильностью. И – это самое главное по сравнению с прочими частностями – с какого-то момента Брат начал чувствовать, что за ним кто-то следит, на это указывали припаркованные на углу возле его дома машины с тонированными стеклами и работающим двигателем; шаги за спиной, которые затихали, стоило ему остановиться, но возобновлялись, стоило ему сдвинуться с места; щелчки в телефоне и странные ошибки, которые выдавал его компьютер; скрытые угрозы в банальных на первый взгляд рекламных рассылках и комментариях в твиттере и сдержанных письмах из издательства, в которых его вместе с целым рядом других авторов-середнячков оповещали, что в будущем у них могут возникнуть сложности с публикацией своих произведений. Что-то постоянно случалось *с его* кредитными карточками, да и

его страницы в социальных сетях взламывали слишком уж часто, чтобы счесть это случайностью. Однажды, придя домой поздним вечером, он ясно понял, что в его квартире кто-то побывал, хотя все выглядело ровно так, как прежде. Если признать, что нашим миром движет одно из двух, паранойя (вера в то, что все в мире имеет смысл, но лишь на некоем тайном, несовместимом с реальностью уровне, и что этот скрытый абсурд есть не что иное, как ты сам) или энтропия (вера в то, что ничто в мире не имеет смысла, и тепловая смерть Вселенной неизбежна), Брат бесспорно был законченным параноиком.

Если безумие заставляло Кишота сломя голову бежать навстречу собственной судьбе, мнительность то и дело подсказывала Брату свернуть с выбранной дороги. Он хотел убежать, но не знал, куда и как, и со все возрастающим ужасом понимал, что в своих шпионских романах уже ответил на свой вопрос. Убежать можно, спрятаться – нет.

Быть может, работа над историей Кишота была его попыткой убежать от этой горькой истины.

Ему было трудно говорить с другими людьми о личном из-за врожденной скрытности. С детства его отличала любовь к секретности. Еще ребенком он нацеплял на нос отцовские солнечные очки, чтобы его глаза не рассказали о нем лишнего. Он прятал вещи и развлекался, наблюдая, как родители разыскивают кошельки, зубные щетки и ключи от машин. Друзья не боялись делиться с ним секретами, зная, что

он будет молчать, как фараон в пирамиде, они доверяли ему невинные и не столь невинные секреты. Невинные: какая девочка без ума от какого мальчика, какой мальчик втюрился в какую девочку, пьянство и постоянные ссоры родителей, открытие радости мастурбации. Не столь невинные: о том, как они насмерть отравили соседскую кошку, как воровали комиксы из книжного магазина “Читательский рай” и чем занимались с теми самыми втюрившимися девочками или мальчиками. Его молчание, точно вакуум, обволакивало чужие секреты, гарантировало, что, сорвавшись с чужих губ, тайна попадет исключительно в его ухо. Он никогда не использовал чужие секреты в собственных целях. Ему было достаточно того, что он единственный, кто их знает.

Свои секреты он хранил так же твердо. Родители смотрели на него со смесью непонимания и беспокойства.

– Кто ты? – прямо спросила его как-то мать с обидой в голосе. – Неужели ты на самом деле мой родной сын? Иногда мне кажется, что ты инопланетянин, которого прислали на Землю наблюдать за людьми и собирать информацию, и когда их корабль заберет тебя обратно, твои маленькие зеленые сородичи узнают о нас все.

Такой уж была его мать: она умела быть эмоционально жестокой и не могла промолчать, если ей в голову приходила какая-то на ее взгляд удачная мысль; ее не заботило, насколько глубокие раны оставляют ее слова. Отец выражался более деликатно, но думал так же.

– Посмотри на свою младшую сестру, – посоветовал он как-то, – и постарайся вести себя, как она. Рот у нее просто не закрывается. Она открытая книга.

Родительские увещевания так ни к чему и не привели, он остался таким же скрытным и при любом удобном случае собирал все слухи и сплетни о других. Что до открытых книг, подростком он открывал почти одни детективы. В детстве Секретная семерка нравилась ему куда больше Великолепной пятерки, а Таинственный сад привлекал гораздо сильнее Волшебной страны. Когда он подрос, то предпочитал Эллери, Эрла и Агату, истории о Сэме Спейде и Филипе Марлоу, “злые улицы” и заговоры молчания. С годами его тайные миры множились. “Тайный агент” и “Человек, который был Четвергом”, истории шпионских заговоров и тайных обществ были его учебниками. В подростковые годы он начал изучать руководства по черной магии и картам таро – его влечение ко всему таинственному, тайным знаниям о большом и малом было непреодолимо – и научился гипнотизировать друзей, хотя главный объект его стараний, красивая девчонка, чью благосклонность он надеялся таким способом обрести, осталась к нему равнодушна даже под действием гипноза. Он рос с мечтой разгадать секретный ингредиент кока-колы, знал тайные ипостаси всех супергероев и даже знал, в чем же на самом деле состоит “Секрет Виктории”. Интересно? Просто во времена этой самой Виктории дамы носили белье откровенно низкого качества, ясно? Он всегда

выбирал одну из трех аббревиатур SIS, ISI, OSS или CIA – Секретная разведывательная служба Великобритании, Межведомственная разведка Пакистана, Управление стратегических служб США или Центральное разведывательное управление.

Так постепенно он пришел к тому, что и сам, под псевдонимом, начал писать шпионские романы. Они не принесли ему широкой известности, как, очевидно, не принесет и задуманная им книга о Кишоте, если ему, конечно, удастся дописать и издать ее. Сэм Дюшан, автор нескольких романов о деятельности международного альянса спецслужб “5 глаз”, НЕвостребованный, НЕизвестный, НЕбогатый; когда в магазине люди спрашивали его книги, то обычно неправильно произносили его псевдоним как “Сэм де Шам”, словно он был “мутным хулиганом”, солистом группы “Сэм зе Шам и фараоны”, который ездит на свои концерты на катафалке. Это казалось Брату немного оскорбительным.

Да, имя на обложках его книг скрывало этническую принадлежность, как сценическое имя Фредди Меркьюри скрывало парса индийских кровей Фарруха Булсару. Не то чтобы солист “Квин” стеснялся собственного происхождения, он не хотел, чтобы его творчество поместили в ячейку “этническая музыка”, окружив всем тем, что белые ожидают от музыки цветных. Брат чувствовал то же самое. Помимо прочего, мы живем в век придуманных имен. Социальные сети – лучшее тому доказательство. Каждый из нас нынче он сам

и кто-то другой.

В мире литературы псевдонимы используются довольно широко, так было всегда. Женщины особенно часто скрываются за ними. Брат верил (конечно же он не ставил свой скромный талант в один ряд с их гениями), что сестры Бронте, они же Каррер, Эллис и Экстон Беллы, Джордж Элиот и даже Джоан Роулинг (предпочитающая менее гендерно окрашенное Д.К. или Дж. Роулинг) прекрасно поняли бы его.

История общины темнокожих выходцев из Южной Азии в США полна противоречий. Еще в начале XX века (не вымышленному) легендарному общему предку Кишота и доктора Р. К. Смайла, который первым из их семьи перебрался в Америку, где жил и работал до самой смерти, отказали в гражданстве США на основании закона о натурализации аж 1790 года, гласившего, что на гражданство могут претендовать исключительно “свободные белые люди”. А когда в 1917 году в силу вступил новый закон о натурализации, появился отдельный запрет на иммиграцию в США для *хинду*, как обозначали всех выходцев из Южной Азии. В 1923 году во время процесса “Бхагат Сингх Тхинд против Соединенных Штатов Америки” представители Верховного суда заявили, что расовые отличия между белой расой и индийцами настолько велики, что “большая часть американцев” не примет саму возможность ассимиляции с ними. Двадцать три года спустя был принят Закон Люса – Селлера, позволивший индийцам в количестве не более ста человек в год приезжать

в Америку и получать гражданство США (премного благодарны). И только в 1965 году Закон Харта – Селлера по-настоящему открыл дверь в США для индийцев. И тут произошла неожиданность. Выяснилось, что *хинду* больше не были главной мишенью американских расистов. Теперь этой чести оказались удостоены представители афроамериканской общины США, а выходцы из Индии, многие из которых имели богатый опыт расовых преследований со стороны белых людей – британского национализма в Южной и Восточной Африке, Индии и, конечно же, в самой Великобритании, – внезапно оказались прощены; они буквально растерялись, когда поняли, что во многих частях США больше не подвергаются ни преследованиям, ни нападениям, что их реабилитировали, признали достойными кандидатами в образцовых американских граждан.

Прощены, да не совсем. Уже в 1987 году банда дотбастеров, “точканенавистников”, чьими жертвами в первую очередь становились индийские женщины, традиционно наносившие себе на лоб точку-*бинди*, превратила в ад жизнь индо-американцев в Джерси-Сити. Местная газета “Джерси джорнал” опубликовала письмо с угрозами дотбастеров: “Мы пойдем на самые крайние меры, чтобы индийцы убрались из Джерси-Сити. Если я встречу хинду на улице и обстановка позволит – я изобью его, мужчина он или женщина! Мы готовим ряд жестоких нападений, будем бить окна в их домах и машинах, врываться на их семейные собрания

и крушить все вокруг”. Угрозы были претворены в жизнь. Один из подвергшихся нападению индийцев умер через четыре дня после случившегося. Еще один впал в кому. Произошла целая серия ночных атак и ограблений.

А потом случилось 11 сентября 2001 года; после теракта молодые индийцы надевали футболки с надписью “Я хинду, я ни при чем!”, сикхи, которых часто принимали за мусульман из-за тюрбанов на голове, становились жертвами нападений, а водители такси родом из Южной Азии украшали свои автомобили наклейками с американским флагом и девизом “Боже, храни Америку!”, и тогда Брат внезапно осознал, что ему ни в коем случае не стоит сбрасывать маску и отказываться от псевдонима. Слишком уж много пристальных враждебных взглядов было устремлено на таких, как он. Лучше уж мутный хулиган Сэм де Шам. В лучших шпионских традициях.

Разведывательный альянс “Пять глаз” (FVEY) был создан разведслужбами Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США сразу после Второй мировой войны для обмена данными, полученными глобальной системой наблюдения и разведки ЭШЕЛОН и ее аналогами, а позже и результатами мониторинга информации в сети Интернет. Главной темой, вокруг которой Сэм Дюшан выстраивал свои романы, был разлад среди пяти союзников, их тотальное недоверие друг к другу. Никто не верит американцам, потому что они не умеют хранить секретную информацию и тем са-

мым подставляют под удар главное достояние альянса, тайных агентов на местах. Никто не верит британцам, потому что несмотря на то, что они лучшие спецы по “кротам” и перебежчикам, и Секретная разведывательная служба не раз доказывала это в своих операциях в России, Иране и арабском мире, она сама кишит внедренными в нее перебежчиками и “кротами”. Никто не верит канадцам, потому что свою песню “Благочестиво-лицемерный” “Металлика” явно посвятила их стилю работы. Никто не верит австралийцам просто потому, что они австралийцы. Никто не верит новозеландцам, потому что за все время они не предложили ни одной толковой идеи в части наблюдения и разведки. (Все последовавшие за ЭШЕЛОНОм программы компьютерного слежения – PRISM, XKeyscore, Tempora, MUSCULAR или STATEROOM – координировались либо Центром правительственной связи Великобритании (GCHQ), либо Агентством национальной безопасности США (NSA) при определенной поддержке со стороны Канады и Австралии.) Совсем недавно этот альянс не доверяющих друг другу союзников показал себя в невольной поддержке сепаратистского движения “Малая Англия” в Британии и травле популистов в США, что бесспорно сыграло на руку всем врагам, особенно России. Брат всегда гордился тем, как достоверно выглядит на страницах его романов придуманный им шпионский мир, но теперь он стал бояться этого правдоподобия. Возможно, он был слишком близок к нелицеприятной правде. Возмож-

но, главными читателями книг о работе “Пяти глаз” были сотрудники “Пяти глаз”. Возможно, они решат навеки закрыть слишком пристально наблюдающий за ними шестой глаз.

Привлечь недружественное внимание Фантомов ровно тогда, когда спешишь покинуть Страну Фантомов, какая неуместная ирония. Теперь, когда окружающая его реальность стала гораздо таинственнее, чем в его книгах, он был слишком стар и слаб, чтобы предугадывать развитие событий. Вот почему появился Кишот, герой авантюрного романа, безумный и опасный, рыцарь, стремящийся вырваться из патового положения на шахматной доске. Вот почему перед его недавно открывшимся внутренним взором все чаще вставали картины прошлого, и он тосковал о доме, оставленном на Востоке. Свое прошлое он оставил в прошлом так давно, что и оно впоследствии оставило его. Он очень долго притворялся, даже наедине с собой, что принял такую судьбу. Он был человеком с Запада, Сэмом Дюшаном, и не жалел об этом. Когда его спрашивали о его корнях, он отвечал, что он – не вырванное с корнем, не оборванное, но пересаженное растение. Лучше даже сказать – растение с мультикорневой системой, вроде старого баньяна, чьи придаточные воздушные корни со временем крепнут и сами превращаются в стволы новых самостоятельных деревьев. У него слишком много корней! Тогда истории, которые он сочиняет, – его крона, богатая и густая, под которой можно укрыться от палящих, несущих смерть лучей солнца. Это значит,

что он может прижиться в какой угодно климатической зоне, на почве любого типа. Он говорил всем, что это дар, но в глубине души знал, что его оптимизм не более чем обман. Он уже оставил позади библейское “дней наших – семьдесят лет”, и благодаря “большей крепости” приближался к “восемьдесят лет”², и все чаще чувствовал себя китсовской Руфью в тяжкий час, когда в чужих полях брела она, тоскуя об оставленном доме, стране забвенной³.

Он подходил к последней черте и ощущал, что костлявая с косой уже близко. Она уже в городе, в районе, даже в его квартале. Он больше не чувствовал, что обеими ногами стоит на твердой земле, скорее одной ногой в могиле. Печально знать, что впереди тебя по большому счету ничего не ждет, что почти вся твоя жизнь уже прожита. Пока в его жизнь на своем стареньком “шевроле крузе” не въехал Кишот в компании своего придуманного сына, Брат думал, что его ремесло навсегда оставило его, что он никогда не сможет писать, пусть даже жизнь его еще продолжается. Дело, увы, весьма незначительное, которому он посвятил всю жизнь, отдал лучшее, что было в нем самом, в которое вложил весь свой оптимизм, было где-то рядом, но говорят ведь, что под конец золото иссыкает даже в богатой жиле. Когда ты сам себе и жила, и добытчик, когда порода, которую ты разрабатыва-

² Псал. 89,10.

³ Отсылка к стихотворению Джона Китса “Ода соловью”. Перевод Е. Витковского.

ешь, залегает где-то очень глубоко, в самых недрах твоего естества, приходит время, когда внутри остается одна лишь пустота.

Брось, откажись! – шептал ему в левое ухо бес-искуситель. *Никому, кроме тебя, это не нужно.*

Но бес-искуситель за левым плечом теперь стал лишь тенью. Ангел-хранитель, стоящий справа, проливал на Брата как никогда много света, не давая впасть в греховное уныние, подгоняя, запрещая себя жалеть. Солнце по-прежнему встает каждое утро. В нем еще остались решимость, энергия и умение работать. У него такое же сердце, как у Мохаммеда Али, великого боксера, который после долгих лет забвения вернул себе корону, победив в Заире Джорджа Формана. Тот поединок называли “Грохот в джунглях”. Еще есть надежда, что и Брат сотрясет благоволящие ему джунгли победоносным грохотом. Стреляй, Сэм Дюшан, *bomaye*. Ты одолеешь его, Сэм зэ Шам.

Здесь важно место рождения Кишота – которое было и его собственной родиной, – важно исследовать каждую деталь, каждую личную мелочь, такую близкую, но одновременно такую далекую. Эти мелочи складываются в то, что мы привыкли называть рабочим термином *семья*. С нее и следует начать историю о безумце, утратившем разум из-за любви.

Все началось много-много лет назад, когда океан еще не был загрязнен, а ночные прогулки не были опасны, на улице

под названием Уорден-роуд (теперь она носит другое название) в районе Брич-Кенди (до сих пор называется примерно так же) в городе под названием Бомбей (тоже сменившем имя). Все началось именно там, и хотя обе их истории, его и Кишота, были историями странников, прошедших через много мест и прибывших в странную фантастическую страну под названием Америка, если прокрутить все назад, станет ясно, что все дороги ведут в Бомбей. Для Брата мир начинался в малюсеньком, домов десять-двенадцать, квартале на небольшом холме, к которому вела, и там же обрывалась, узенькая дорога, такая незначительная, что у нее не было даже имени (реальная, ныне нанесенная на карты и громко зовущаяся там Шакари-Бхандари-лейн, хотя никто по-прежнему не знает, где она находится); теперь этот квартал совсем потерялся среди окружающего его мегаполиса. Брат закрывал глаза и сквозь года и континенты отправлялся назад к началу, поигрывая тросточкой, словно идущий задом наперед Радж Капур, имитирующий походку Чарли Чаплина. Вот он миновал более не безымянную улочку, прошел мимо (реального) многоквартирного дома Дильпазир, в котором жила когда-то (вымышленная) семья Смайл; его название можно перевести как “милый сердцу”... вот он стоит перед как две капли воды похожим на него (реальным) домом под названием Нурвилль, город света, вот поднимается на последний этаж, в квартиру с просторной террасой, полную мягких подушек и колючих кактусов; в гостиной играет радиола орехо-

вого дерева (с инкрустацией, стиль ар-деко), непревзойденные сестры Лата и Аша в воскресной передаче “Бинака Гит-мала”, выходящей в эфир благодаря спонсорской поддержке известной марки зубной пасты, своими золотыми голосами исполняют последние кинохиты. А на персидском ковре в центре гостиной, как в прокручиваемой назад замедленной съемке, с бокалами мартини в руках, обнявшись, танцуют Ма и Па.

(Брич-Кенди был маленьким миром, совсем не похожим на внешний, нежизнеспособным, словно уже утраченным, и воспоминания о нем так же экзотичны, как навсегда застывшее в кусочке янтаря доисторическое насекомое. Он был похож на маленькую композицию, надежно укрытую стеклянным куполом – стеклянный шар с тропическим сюжетом, новогодняя игрушка без снега, внутри которой копошатся маленькие человечки, носятся со своими маленькими жизнями. Как же они испугаются, если шар вдруг уронят, он пойдет трещинами, и их глазам предстанет настоящая действительность, какой ужас испытают в окружении гигантов; как был напуган он сам, когда покинул его пределы и оказался один на один со взрослым миром титанов! В одну минуту все будущее просто вытекло из них. Новогодняя игрушка без снега, стеклянный шар с тропическим сюжетом – вот откуда он родом; это все, что есть Брат, и все, что он сделал.)

Любимой пластинкой родителей была “*Songs for Swingin⁹ Lovers!*” Синатры. Ма, всегда более передовая по сравне-

нию с мужем, также любила смазливых американских мальчиков. Рики Нельсон. Бобби Дарен. Но не только белых. Также Клайда Макфаттера, особенно исполненный с группой “Дрифтере” сингл “*Money Honey*”. Но не Элвиса! Этого шоферюгу из Тьюпело она терпеть не могла. Кому вообще может нравиться его широкий зад и пошлая верхняя губа? Неужели кого-то вправду приводят в восторг его синие замшевые туфли, которые до него носил Карл Перкинс?

Не раскрывая глаз, он запускает фильм с самого начала. Его отец был владельцем и управляющим большого ювелирного магазина “Зайвар бразер” на Уорден-роуд, у подножия холма, где стоял их дом. Давным-давно этот магазин открыл дедушка Брата, отец отца, которого Па, делавший удивительно красивые украшения, превзошел и в искусстве дизайнера, и в мастерстве ювелира. Слово “зевар” переводится с урду как ювелирные украшения, а слово “зайвар” их патриарх-англофил придумал, желая, чтобы местное слово походило на английское. Этот пожилой человек был единственным ребенком в семье, а потому не мог использовать казавшееся ему коммерчески перспективным слово “брат” во множественном числе. Так появился “Зайвар бразер”, “Брат-ювелир”, брат без братьев. Со временем все вокруг стали обращаться к пожилому джентльмену в бакенбардах не иначе как мистер Брат или Брат-сахиб, и имя прижилось. После смерти бабушки люди стали называть Па мистером Младшим Братом, а значит, рано или поздно наш герой Брат тоже

превратился бы в мистера Брата. Мистер Третий Брат.

Через всего несколько домов от ювелирного магазина располагалось придуманное Ма уникальное заведение, маленькая “Антикварная кондитерская”, в первом зале которой подавали лучшие во всем Бомбее пирожные, а во втором были собраны все ценности Южной Азии – идеально сохранившиеся бронзовые скульптуры эпохи Чолов, картины индийских художников, написанные по заказу британцев, печати из Мохенджо- Даро с изображением неизвестных животных, вышитые кашмирские шали прошлого века... Ма часто спрашивали, как она решила разместить под крышей одного салона столь несовместимую продукцию, и она всегда отвечала одинаково: “Просто это то, что я люблю”.

Нестандартность этих заведений вкупе с высоким качеством предлагаемых там товаров и невероятной харизмой обоих родителей превратили “Зайвар бразер” и “Антикварную кондитерскую” в Места-Куда-Ходят-Все. Амиабх Баччан покупал изумруды для своей жены Джаи только в “Зайваре”, Марио Миранда и Р. К. Лакшман всерьез предлагали Ма оригинальные пленки своих мультипликационных шедевров в обмен на рецепт ее шоколадных пирожных, а знаменитый журналист Бехрам Контрактор, более известный под псевдонимом Бизибхи, дневал и ночевал в обоих магазинах, создавая “Бомбей каков он есть”, собирая для него сплетни, в непринужденной атмосфере наблюдая за сливками общества и фиксируя все в своей журналистской хронике.

Дома у Ма и Па тоже часто собирались творческие люди и знаменитости. В их двухуровневой гостиной перебивала вся богемная тусовка того времени. Здесь бывали великие закадровые певицы Болливуда Лата Мангешкар и Аша Бхосле (разумеется, они не пересекались!). Захаживали крикетисты Вину Манкад и Панкадж Рой, герои мадрасского матча с Новой Зеландией в январе 1956 года, когда они совершили 413 пробегов и установили новый мировой рекорд. Часто приглашали Ниссима Изекиля, бомбейского барда, певца островного города, “который ни воспеть, ни возлюбить”. И даже великая художница Аурора Зогайби не чуралась заглянуть туда вместе со своим начисто лишенным таланта кривлякой-приспешником Васко Мирандой, что, впрочем, совсем другая история. И конечно – мы же в Бомбее – здесь перебивало бесчисленное множество киношников. В этом доме повсюду царил талант, порой немного отдающий похотью и виски. Случались политические диспуты, споры об искусстве, эротические приключения, и текли реки мартини. И над всем этим, недостижимые для других, словно отсутствовавшие тогда, но очень быстро отстроенные и навсегда изменившие лицо города небоскребы, властвовали царственно высокая Ма и еще более царственно высокий Па. Медленно, обнявшись, они кружились в танце, не выпуская из рук бокалов с мартини, она такая прекрасная, он такой мужественный, оба такие влюбленные.

Благодаря своему экзотическому затянувшемуся на годы

детству, когда круг его общения сводился к творческим гениям всех мастей, Брат, как и его герой, стремительно терявший разум Кишот, начал страдать редкой формой душевной болезни – с годами, как нам известно, к ней прибавилась еще и паранойя, – он перестал различать искусство и жизнь, не чувствовал границ между реальным и вымышленным, не видел, где кончается одно и начинается другое, и, что еще хуже, как это ни глупо, верил, что плоды творческой фантазии, созданные художниками изображения-фантомы обладают своей, самостоятельной жизнью, что они сходят с полотен и живут реальной жизнью, в буквальном смысле делая наш мир лучше, изменяя его. Люди, встречавшиеся Брату в жизни тогда и теперь, смотрели на это с пренебрежением и шли своей дорогой в прагматизм, идеологию, религию, самопочитание либо коммерцию, то есть в одну из сфер, к которым, по большей части, сводится реальная жизнь. Брат же – стоит сказать спасибо родителям и их окружению – был неизлечим. Даже будучи взрослым писателем с вечно насупленными бровями, зарабатывающим свой хлеб популярными романами невысокого жанра, он с неизменным уважением взирал на высококолых представителей высокой литературы. И вот много лет спустя “Кишот” станет его лебединой песней, последней попыткой преодолеть границу, отделяющую его от мира высокой литературы.

Он ставит фильм на паузу. Это неправда. Сказка. Эдакое озаренное любовью и искусством детство в стиле бохо. Такие

родители, как у него, были непонятны своим детям во время на его детства. Они не тратили на отпрысков много времени, а чтобы заботиться о детях, нанимали домашнюю прислугу, не разговаривали с детьми о собственной жизни, никогда не отвечали на вопросы *как* и *почему*, и очень редко на *что-где-когда*. *Как* и *почему* были слишком большими вопросами, накладывавшими на родительские уста печать. Родители Брата поженились рано, в их браке родилось двое детей, Брат и Сестра, которую Па прозвал щебетуньей, поскольку она единственная в семье по-настоящему могла петь. Затем – тут и сказочке конец – когда Брату было десять, а Сестре пять, родители разошлись. Ма вместе с детьми переехала в новую квартиру, второй для них дом в (реальном) здании Суна-Махал на углу Марин-драйв и Черчгейт (сейчас, соответственно, Нетаджи-Субхаш-Чандра-Бос-роуд и Вир-Нариман-роуд). Ходили слухи, что Ма и Па расстались из-за череды взаимных измен – вот к чему приводит эта богемная жизнь, что за дикие, безумные люди, дичь какая! – но дети ни разу не видели ни Чужой Женщины в отцовской спальне, ни Другого Мужчины в новом доме, куда Брат с Сестрой переехали вместе с матерью. Если предполагаемая неверность и имела место, то все происходило или продолжало происходить в строжайшей тайне. Па продолжал трудиться в “Зайвар бразер”, Ма – в “Антикварной кондитерской” всего в нескольких шагах; жизнь потекла по-прежнему, выглядела нормальной, но каждый, кто заходил к ним в дом, отчетли-

во слышал, как с хрустом ломаются внутри его обитателей несказанные слова, и даже жужжание настенных вентиляторов было не в силах заглушить этот звук. Прошло почти десять лет и – вуаля! – родители неожиданно сошлись снова, а ставший за это время для обоих детей домом Суна-Махал – пшик! – вновь сменился на Нурвилль, родители возобновили свои танцы с мартини в руках, словно выдумкой было их Расставание, а не эта вновь наступившая идиллия.

Внесем коррективы: к моменту воссоединения родителей Брату исполнилось двадцать, он учился в Кембридже и не мог наблюдать их возобновившихся танцев. На дворе стояли шестидесятые, он уже глотнул пьянящего воздуха Запада и больше не считал своим домом ни Суна-Махал, ни Нурвилль. Сестра же, которой было пятнадцать, все это время жила в Бомбее. Поначалу брат с сестрой, как могли, поддерживали отношения, на расстоянии играя в шахматы, как положено хорошим детям из приличных индийских семей; из Кембриджа в Бомбей и обратно по почте летели открытки со старомодными описательными нотациями: P-K4, P-Q4, RxP. Однако все закончилось трещиной между ними. Брат был старше, но Сестра играла лучше, и он, постоянно терпевший поражения, не захотел играть дальше. Тем временем запертая дома и вынужденная наблюдать за ночными кружениями родителей Сестра испытывала настоящее отчаяние, понимая, что никакие блестящие успехи в учебе не помогут *ей* выпросить у родителей такую милость, как учеба за

границей. Она чувствовала себя (вполне справедливо) нелюбимым ребенком и обижалась (также справедливо) на незаслуженно больше любимого Брата, изливая и на него весь переполняющий ее, словно готовую взорваться звезду, гнев на родителей. Трещина между ними росла всю оставшуюся жизнь. Они крепко поссорились, перестали разговаривать друг с другом, разъехались по разным городам – он осел в Нью-Йорке, она (отвоевав себе право на жизнь за пределами семейной клетки) в Лондоне, – и больше никогда не встречались. Вот уже несколько десятков лет. С ними случилась драма, которой счастливым образом избежали их родители. После Великого Воссоединения Ма и Па до последнего дня прожили вместе душа в душу. Их история закончилась счастливо. Сестра же и Брат всю свою оставшуюся жизнь молча хоронили свою Утраченную Любовь.

Семнадцать лет тому назад их мать тихо умерла во сне; ее последний день был насыщенным и радостным, она каталась на машине, навещала друзей и обедала в ресторане. Она пришла домой вечером идеального дня, легла в кровать, и ее душа отлетела в мир иной. Узнав о ее смерти, Сестра немедленно полетела домой, но когда ее самолет приземлился в Бомбее, Па, неспособный жить без Ма, был тоже мертв. На прикроватной тумбочке стояла пустая склянка из-под снотворного, а он лежал рядом в кровати, убитый ее невыносимым отсутствием в этом мире. Сестра позвонила в Нью-Йорк, чтобы сообщить брату о двойной утрате. Тогда они

разговаривали друг с другом в предпоследний раз. Их следующий телефонный разговор уничтожил все родственные чувства, которые их связывали, и стал последним.

Так все закончилось. На месте семьи ничто, пустота. Брат никогда не видел Дочь – дочь Сестры, подающего надежды фэшн-дизайнера. Сестра никогда не встречалась с Сыном, давно исчезнувшим сыном Брата. Его единственным сыном, тоже навсегда покинувшим его, исчезнувшим из жизни обоих родителей. (Теперь в его жизни появился Кишот – отец, придумавший себе сына и отыскавший путь возродить его к жизни. Вполне понятно, откуда он взял эту идею.) Временами Брату казалось, что он всю жизнь был единственным ребенком в семье. Наверняка что-то похожее чувствовала и Сестра. Вот только в глубине душе единственных в семье детей нет глубоких ран в тех местах, где должны были быть сестринские девичьи поцелуи и братские надежные объятия. Единственные в семье дети не мучаются в старости упреками со стороны своего же собственного внутреннего голоса. *Как ты можешь так поступать с сестрой, она же твоя сестра, не пора ли уже все исправить, неужели ты не видишь, что ты должен сделать это?* Последнее время Брат часто думал о Сестре, он думал обо всех, кого потерял, но более всего о ней, разрываясь между желанием покончить со старой ссорой и, пока не поздно, возобновить родственное общение и страхом вновь испытать на себе всю ядерную мощь ее неприязни, ему не хватало духу просто решить, что

делать. Если бы он был до конца честным с самим собой, то решил бы, что первый шаг должен исходить от него хотя бы потому, что она переживала их ссору сильнее. В конфликтах, продолжающихся десятилетиями, ни одна из сторон не бывает невинной жертвой. Их правда была проще: он поступил с ней гадко.

Глава третья

Возлюбленная Кишота, Звезда из династии Звезд, переселяется в иную Галактику

Мисс Салма Р., исключительная (при этом совершенно незнакомая Кишоту) женщина, в вечном поклонении которой он поклялся, происходила из семьи, женщины которой вот уже несколько поколений вызывали всеобщее обожание. Расскажем о них так: представьте, что Бабушкой Р. была Грета Гарбо, великая актриса, которая в один прекрасный день резко порвала с внешним миром, начала бояться людей и открытых пространств и стала затворницей. Мама Р., Мэрилин Монро, невероятно сексуальная и такая же хрупкая, увела у Грейс Келли ее жениха, спортивного короля (который был

к тому же настоящим принцем), будущего Папу Р., который затем также оставил ее и, пока она снималась в своем последнем фильме, ушел к фотографу-англичанке; это потрясение привело Маму к быстрому закату и безвременной кончине в собственной постели в компании пустых аптечных склянок на прикроватной тумбочке, так пугающе похожей на смерть Мэрилин. А что же мисс Салма Р.? Все сходились на том, что ей не передались ни актерский талант Бабушки, ни невероятная сексуальность Мамы, однако ее генетическим наследством стали безупречная красота и полное отсутствие страха перед камерой, а также резкие перепады настроения и зависимость от сильнодействующих болеутоляющих и седативных препаратов. Неудивительно, что в конце концов эта женщина оказалась в Голливуде.

Так звучит краткая история ее бомбейского детства в переводе на американский. Ее краткую официальную версию можно сформулировать следующим образом: “Всю свою жизнь она купалась в роскоши. Родилась богатой и знаменитой, а после сумела преумножить славу и капиталы, став первой индийской актрисой, сделавшей себе в Голливуде большое (по-настоящему большое) имя, как по мосту, перейдя по джунглям «-вуда» из «Болли-» в «Голли-», после чего переросла и Голливуд, превратилась в своего рода бренд, сделалась суперзвездной ведущей ток-шоу, пользующейся безграничным влиянием и авторитетом – и в Америке, и в Индии”. Правда была сложнее. Вот более подробная версия:

да, по рождению она принадлежала к самой высокой индийской киноаристократии, была представительницей третьего поколения женщин – легенд кино. Ее бабушка, мисс Дина Р., в начале карьеры снялась в пяти-шести ставших культовой классикой неореалистических картинах, вышедших на экраны в первое десятилетие после обретения Индией независимости. Однако эта экранная дива имела склонность к целому букету фобий и тяжелых душевных расстройств, приводивших к затяжной меланхолии, когда она не произносила ни слова и порывала связь с внешним миром (страдавший от того же недуга Уинстон Черчилль называл депрессию “черным псом”, мисс Холли Голайтли говорила, что у нее “красные крысы на душе скребут”, а англичане привычно страдают от “синей хандры”), сменявшейся продолжительными, до пены изо рта, истериками. Дина Р. укрылась от мира в своем прибрежном особняке Джуху, где под покровом строжайшей секретности прожила до самой смерти, никак не реагируя на грязные домыслы о ее безумии, которые долетали до нее сквозь высокие стены ее жилища; до конца своих дней она не позволяла гасить свет в спальне, поскольку смертельно боялась в темноте тараканов и ящериц. Она полностью перестала общаться со своим мужем, известным всему Бомбею врачом, которого благодарные пациенты называли исключительно “Бабаджан”, где “баба – обращение к уважаемому человеку, а “джан – “дорогой”, хотя и не развелась с ним. Каждый из них жил на своей собственной половине особняка

Джуху своей собственной жизнью. Случайно столкнувшись с ним в коридоре, женщина отскакивала в сторону, как от чего-то омерзительного и опасного, и чаще всего убегала. После ее самоубийства (передозировка снотворного) Бабаджан со скорбью в голосе признался друзьям, что рассудок и душевные силы покинули ее уже давно и подобный конец был “лишь вопросом времени”.

Ее дочь, мать мисс Салмы Р., признанная индийская секс-бомба мисс Аниса Р., в начале жизни была довольно близка с отцом, но в какой-то момент, еще до смерти матери, они перестали поддерживать любое общение. Довольно скоро после того, как она перестала разговаривать с Бабаджаном, мисс Аниса Р. соблазнила капитана национальной сборной по крикету, жениха своей лучшей подруги, еще одной культовой актрисы Наргиз Кумари. Этот спортсмен был к тому же удалым молодым раджей небольшого североиндийского княжества Большой Баквас (не путать с не идущим ни в какое сравнение – ни по территории, ни по влиянию – Малым Баквасом), которого все называли просто “Радж”, то есть “Принц”; один из его предков чуть не нанял себе в секретари некоего англичанина нетрадиционной ориентации, г-на Форстера, который мечтал написать о путешествии в Индию роман и отчаянно нуждался в работе. (Он так и не взял его на работу. Это сделал другой мелкопоместный князек.) Да! Голубая кровь! Однако истинный аристократизм этот человек являл, демонстрируя не свое фамильное древо,

а грацию и силу на крикетном поле – грациозные броски, величественные удары, аристократичные пробеги. Три дня он праздновал свою свадьбу с будущей матерью мисс Салмы Р. в бомбейском отеле “Тадж-палас” (это было пышное и одновременно авангардное бракосочетание, ведь в то время, как и по сей день, хинду-мусульманские браки были большой редкостью даже в самых элитарных кругах). Вскоре после свадьбы в страшной аварии на Марин-драйв (которую брошенная им невеста Наргиз Кумари предпочитала называть “Божьей карой”) отец Салмы Р. потерял нижнюю часть правой ноги. Однако он не собирался соглашаться с приговором высших сил и сумел – с деревянным протезом и всеми вытекающими – вернуться в команду, став поистине бессмертной легендой спорта. У них родилась их единственная дочь, которую отец любил больше жизни, вскоре ставшей для него невыносимой из-за обрушившихся на жену депрессий всех цветов радуги – черные псы, красные крысы, синяя хандра одолевали ее все разом, и приходящая им на смену маниакальная стадия тоже отличалась разноцветьем, хотя преобладающим был долларово-зеленый: когда болезнь временно отступала, мисс Аниса Р. начинала неконтролируемо скупать на черном рынке всевозможные антикварные штуки бешеной стоимости. В конце концов он бросил крикет, оставил свою жену мисс Анису Р., их дочь мисс Салму Р. и даже свое княжеское наследие и сбежал в Лондон, где – покалеченная нога вновь не стала препятствием – в роскошном

номере отеля “Кларидж” в очередной раз начал жизнь заново с уже упоминавшейся женщиной-фотографом Маргарет Эллен Арнольд, прибывшей провести выездную съемку для материала о брошенной мужем кинозвезде, а в результате занявшей место этой самой звезды.

Никто и не подумал обвинять в чем-то принца, бросившего двух женщин; со временем он оставил также фотографа, занял свой богато украшенный и устеленный подушками трон и провел остаток жизни в счастливом опиумном тумане. Строже всех отнесся к этому персонажу журнал “*Filmfare*”, опубликовавший большую иллюстрированную статью под названием “Мой принц однажды убежит”. Но даже ее автор (дама) придерживалась позиции, что “мальчики есть мальчики” и какой бы мужчина, окажись он на месте Раджа, не пошел по его, пусть и отчасти деревянным, стопам – конечно, если бы только смог. Однако мисс Аниса Р. не могла пережить публичного унижения. Как заявила Наргиз Кумари, не упустившая случая привлечь внимание к бедственному положению своей заклятой подруги, “Аниса испытала на себе силы мусульманской *кисмат* и индуистской *кармы*, законов высшей справедливости, которые всегда воздают по заслугам изменникам и греховодникам”. Ее слова достигли цели. Мисс Аниса Р. завершила свою актерскую карьеру и занялась благотворительностью, посвятив себя помощи вдовам и брошенным женщинам, надеясь искупить свои страшные преступления, ведь она сначала увела

мужчину у женщины, которая его любила, а потом, что представлялось еще более постыдным, не смогла удержать собственного мужа. Она распустила себя и потеряла физическую форму. Из песни слов не выбросишь: она стала жирной и неопрятной (это еще мягко сказано) и сильно сгорбилась, несмотря на все совершаемые ею добрые дела, ее тело стало физическим воплощением переживаемого ею горя.

Она никогда не была хорошей матерью – для этого она была слишком на себе зациклена, – но у нее все же выросла прекрасная дочь. Мисс Салма Р. – склонная к наукам, правильная во всем, с безупречными манерами и идеалистическими представлениями о жизни – взяла на себя заботы о стремительно впадающей в детство матери, став для нее взрослой. Многим на светских вечеринках доводилось видеть, как она ходит за пьяной матерью по пятам и незаметно выплескивает виски из ее стакана в горшки с цветами. “Если бы не забота дочери, – говорили люди, – она не протянула бы так долго”. Увы, дочерней преданности оказалось недостаточно. После смерти Дины они переехали в особняк Джуху, но переезд не принес ничего хорошего. Бабаджан все так же бесцельно бродил по дому, но теперь уже Аниса, как прежде ее мать, делала вид, что не замечает его. Мисс Салма, в детстве очень любившая дедушку, сделала все для того, чтобы разрушить стену, отделявшую мать от ее собственного отца, но было слишком поздно. Тьма, поглотившая Дину, быстро затягивала Анису. Скольких женщин подняла она с самого

дна, но и сама канула в глубине. Мисс Салма Р. обнаружила ее однажды умершей от передозировки в той же спальне, где умерла бабушка, свет также не был потушен. По безжизненно свисавшей руке Анисы полз таракан.

Мисс Салма Р. – ей тогда было всего девятнадцать, и она только что снялась в своем первом фильме – не издала не единого звука. Не выключая света, она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а затем, педантично обзвонив всех, кому следовало позвонить, поднялась к себе, собрала сумку и навсегда уехала из этого дома смерти, чтобы больше никогда не переступать его порог; все связанное с ним она поручила другим людям: они описывали и пускали с молотка мебель, элементы декора, сувениры из мира кино и даже личные вещи ее матери: наряды, любовные письма, фотоальбомы – все, в чем она, даже после смерти, продолжала жить. Она была уверена, что никогда не вспомнит об этом ненужном хламе, и не слушала тех, кто уговаривал ее одуматься и не совершать под влиянием травматического шока поступков, о которых она впоследствии пожалеет. Она шла вперед с той холодной решимостью, которая очень скоро поможет ей стать профессионалом номер один сразу на двух континентах. Ее старый дедушка тоже был частью прошлого.

– Он уже давно сделался призраком, – объясняла она людям, – больше я не потерплю ни одного призрака рядом с собой. Ему придется подыскать себе другое жилье, этот дом будет продан, как только это станет возможно.

По одному из тех невероятных совпадений, которые наполняют нашу жизнь, но вызывают подозрение в литературе, она поселилась в небольшой квартире в Брич-Кенди, на том самом небольшом холме, где – тридцать лет тому назад – прошло детство Кишота, ее будущего пылкого воздыхателя.

Квартал Вестфилд-эстейт (ах эта ничтожная крупинка урбанизма, породившая целый мир!) объединял всего несколько вилл и многоквартирных домов и был плодом фантазии предпринимателя-англофила Сулеймана Умера, которому принадлежал также соседний жилой комплекс Умерпарк. Умер любил давать принадлежащим ему зданиям звучные английские имена: вилла Винздор, вилла Гламис, вилла Сандрингем, Балморал, Девоншир-хаус и даже местная “Ночь перед Рождеством”, вилла Кристмас-Ив. Именно там, в доме, жители которого были обречены ежедневно переживать бесконечный сочельник, и поселилась мисс Салма Р. Именно там на третий день после смерти Анисы она согласилась принять непрошеную гостью, заклятую подругу матери Наргиз Кумари, в присутствии которой дала волю своему горю. Актриса – к этому времени уже заслуженный ветеран сцены – появилась в ее доме, сотрясаясь от звучных рыданий, и ее безграничная скорбь растопила ледяной стоицизм дочери покойной.

– Какой же душой я была, – рыдала Наргиз Кумари, демонстрируя отличную сценическую речь и талант трагедийной актрисы, – как допустила, чтобы какой-то мужик раз-

рушил нашу дружбу. Мы были сестрами, родственными душами, никакой мужик с этим не сравнится. Он просто тень, эпизод. Случайный чих. Короткий ливень в солнечный день. Я должна была находиться рядом с ней каждую минуту, и в дождь, и в зной. Я полностью опустошена, жизнь вытекла из меня, как вино из бутылки. Я без нее – слово, которое осталось в словаре, но никто не помнит, что оно значит. Я тухлявое гнилое дерево.

Из глаз мисс Салмы Р. потекли слезы.

– Я все для тебя сделаю, все возьму на себя, – Наргиз Кумари перешла к клятвам, – спокойно оплакивай свое горе! Я сама организую все, что нужно, отдам необходимые распоряжения!

Через несколько дней мисс Салме Р. сообщили, что Наргиз Кумари побывала в их особняке Джуху, перемерила там все самые дорогие наряды покойной и многие забрала с собой, прихватив подходящие к ним драгоценности. Она позвонила актрисе, чтобы обсудить случившееся.

– Ты же сама говорила, что тебе ничего не нужно, – заявила Наргиз Кумари без тени стыда. – Это всего лишь сувениры, память о дорогом мне человеке, хранить которые следует у самого сердца, правда?

Мисс Салма Р. молча повесила трубку.

Перепады настроения начались у нее после того, как она впервые заплакала о смерти матери, словно горе, как магический канал, способно передавать что-то от мертвых живым.

С тех пор она – как прежде ее мать и бабушка – жила, словно на американских горках, разрываемая собственными эмоциями. Невозможно обмануть наследственность и биохимию. Помешательство было бичом ее семьи; мисс Салма Р. чувствовала, что тьма, как пантера, где-то в углу ждет своего часа.

Некоторое время спустя ей позвонил американский продюсер с телевидения и начал искушать ее калифорнийской мечтой. Поначалу она не поддавалась его чарам.

– В этом городе, – разъясняла она американцу, угощая его коктейлями на своем балконе в Кристмас-Ив, – в нашей индустрии есть всего шесть актеров и четыре актрисы, и чтобы фильм был успешен, в нем должны сняться как минимум один из актеров и одна из актрис, лучше два и одна. Будущие сборы фильмов напрямую связаны с тем, какой выбор мы сделаем. Это очень ответственное решение, от него зависят тысячи людей и их заработки. Поэтому мне будет очень непросто принять ваше предложение сняться в сериале.

Американец приехал издалека, чтобы сделать то, что всегда требуют голливудские звезды первой величины: лично “поведать” им идею сериала. Мисс Салма Р. угощала его самосами и *гулаб-джамун*, подливая “грязный мартини” (классический, с оливками) и внимательно слушала, пристально разглядывая своими большими серьезными глазами; это выражение лица с распахнутыми серьезными гла-

зами выручало ее на многих крупных планах. С ним она была так же неуязвима, как опытный игрок в покер. Оно было ничуть не хуже непроницаемого лица игрока в покер. Американец не мог разобраться: его предложение могло быть ей глубоко интересно, слегка интересно или глубоко неинтересно. Он попытался зайти с другой стороны.

– Я знаю, что вы мечтаете расширить свой актерский диапазон, – заявил он.

Она закивала с энтузиазмом, но блеска в ее глазах почти нельзя было различить.

– Я предлагаю вам не просто роль. В этой роли вы сможете раскрыть весь свой потенциал, показать, какой глубокой вы можете быть.

На миг из-под маски проступило ее настоящее лицо. *Раскрыть потенциал, показать глубину* — волнующие слова. Теперь она слушала его по-настоящему внимательно.

– Я знаю, что ваши фильмы популярны не только здесь, но и по всему арабскому миру, и в странах Дальнего Востока, – говорил американец, – и что любой ваш выход на сцену оплачивается по самым высоким расценкам.

Популярны, высокие расценки, думала она. *Какие точные, правильные слова. Какой умный человек!*

– Сериал, который мы планируем снимать, будет транслироваться во всех странах мира, – говорил американец, – вас полюбят до обожания гаучо из аргентинской пампы, ковбои из Вайоминга, исполнители раггетона из Пуэрто-Рико,

короли бокса из Лас-Вегаса. В каждом городе, в каждой деревеньке от Йоханнесбурга до Ванкувера подростки в колледжах будут вожделеть вас, а пенсионеры – жалеть, что вы не их внучка! Для сотен миллионов парней – обычных рабобтяг, белых воротничков, людей, живущих от зарплаты до зарплаты, возможно, безработных – вы станете главной ценностью, они будут день и ночь смотреть на вас на экране и чувствовать, что их безрадостная, нищая жизнь наполняется смыслом.

– И девушки тоже, – пропела она в ответ.

– Разумеется, и девушки, – согласился американец, – для девушек всего мира вы станете ролевой моделью, образцом для подражания. Фигурально выражаясь, вы будете драть задницы и за них тоже.

Она хотела драть задницы за них всех.

– Кое-что меня все же смущает, и я хотела сказать об этом сейчас, чтобы во время съемок мы были на одной волне.

Американец выпрямился на стуле.

– Разумеется.

– Вот здесь, страница тридцать, – указала она, – моя героиня моется в душе и, судя по всему, прошу прощения, мастурбирует.

– Это можно поправить, – заверил американец.

– Моя героиня не может мастурбировать, – заявила мисс Салма Р., – моя героиня дерет задницы.

– Именно так, – воодушевился американец.

Мисс Салма Р. решила никогда не отвечать на вопросы о том, что заставило ее в молодом возрасте на пике популярности в индийском кино (в Индии она была по-настоящему известна, хотя и не так искренне любима, как ее мать и бабушка) отправиться искать счастья на другой конец света. Она любила свой родной город и жизнь, которую там прожила. Любила

и все же уехала. Поговаривали, что ее связь с родными местами прервалась в момент смерти матери. Кое-кто объяснял ее отъезд “жадностью и заоблачными амбициями”, звучали еще менее доброжелательные голоса, называвшие ее “не помнящей своего роду-племени продавшейся на Запад бездарностью, противной самой себе”, и призывали бойкотировать индийские фильмы с ее участием. Они предполагали, что, будь у нее муж, он сумел бы вколотить в нее и ум, и разум. Поколение “расслабимся под киношку” было к ней более снисходительно и с нетерпением ждало ее появления на экране своих ноутбуков. Эти молодые люди считали, что настоящая миграция – это перемещение с телевизионного экрана на компьютерный монитор, а не переезд из Бомбея/Мумбаи в Лос-Анджелес, который сделал ее в их глазах даже более современной. Она и сама не до конца понимала, что ею двигало. Соглашаясь на встречу с продюсером из Америки, она была настроена не слушать его посулов, однако в результате приняла предложение. Возможно, этому

способствовало неутихающее хинду-мусульманское противостояние в городе, которое обострило ее личный, внутренний межрелигиозный конфликт: она, появившаяся на свет в хинду-мусульман-ском браке, хотела уехать от этой давней вражды, сменить декорации, перестать быть частью этой истории. Возможно, дело было не в религии. Возможно, по своей природе она была гораздо большей авантюристкой, чем думала. Возможно, какая-то часть ее души настойчиво стремилась проверить себя на устойчивость к тяготам большого мира. Возможно, она перестала бы уважать себя, если бы отказалась принять вызов. Возможно, в глубине души она была настоящим игроком, перед которым раскрутили рулетку.

Был также один человек, одна история, оставшиеся за рамками всех этих объяснений. Того, кого вот уже три поколения женщин этой семьи любили, а потом переставали замечать. Он никогда ничего не говорил об этом. Ни он, ни мисс Салма Р. никак не комментировали тот – впрочем, мало интересовавший других – факт, что сразу после смерти Анисы внучка выкинула его из особняка Джуху и никогда не вспоминала о его существовании до самой его смерти. Он же оставил медицинскую практику, совершил хадж в Мекку и тихо, даже аскетично доживал свои дни в доме куда более скромном, чем резиденция кинозвезд, в которой он провел большую часть своей жизни.

Поначалу мисс Салма Р. жила между двух “-вудов”, Бол-

ли-и Голли-, но по мере того, как ее звезда всходила на Западе, поездки на Восток становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Американский продюсер сдержал свое слово. Шпионская драма “Пять глаз”, в которой она снималась, стала выдающимся событием киноиндустрии, не только более выдающимся, чем предыдущее выдающееся событие, но и чем последующее выдающееся событие. Для ее героини специально придумали имя, созвучное ее собственному, что помогло стереть границу между ней и ее персонажем. В сериале ее звали Салма С. Литера С таила в себе понятную лишь избранным шутку, при общении между спецслужбами ей обозначают главу британской разведки. Этот нюанс ее имени так и не был раскрыт широкой публике, поскольку в “Пяти глазах” Салма играла агента американской разведки, и любая ассоциация ее героини с МИ-6 грозила окончательно запутать зрителей, которые, бесспорно, начинали смотреть сериал в надежде быть не единожды запутанными, потрясенными и обескураженными, но все же несколько в ином ключе.

Шпионы вновь входили в моду. В конце холодной войны, когда главный враг в лице Советского Союза перестал существовать, к ним относились, как к старой шляпе, а трагедия 11 сентября показала их неподготовленными непрофессионалами. Создание “Пяти глаз”, альянса разведывательных служб англоговорящего мира, было попыткой западных разведок сохранить лицо. Лицо, которым в одноименном сериале и стала “Салма С.”, специалист по войне в киберпростран-

стве, рвущаяся вверх, как комета, через все хитросплетения тайного мира, невзирая на ЭШЕЛОНЫ и прочее. В первом сезоне героиня мисс Салмы Р. была женщиной-невидимкой, главой контртеррористического департамента США, и по чину была равна послу. То, чем она занималась, было настолько секретно, что сам факт ее существования не имел никаких подтверждений, ее имя нигде не упоминалось, а ни одна из проведенных ею операций не предавалась огласке. Она ходила в строгих костюмах и брендовых темных очках-авиаторах, говорила на арабском, фарси и современном языке кибермира и состояла в сложной любовной связи с главой ЦРУ, очень пожилым и совершенно белым, который до противного старомодно волочился за ней и по-отечески высмеивал ее мысль, что кибертеррористы могут стать для современной Америки самыми страшными врагами за всю ее историю; когда в конце сезона его убили, она переступила через его мертвое тело и заняла его должность. В последующих сезонах ей удалось продемонстрировать зрителям не только жестокость и приверженность патриотическим идеалам, но и бесконечный профессионализм своей героини, настоящего компьютерного гения, которую половина страны любила до обожания, а другая боялась до восхищения.

Мир секретных служб, в сериале “Пять глаз” и за его пределами, вернулся на первые полосы после того, как начал экранное противостояние не только со своими обычными врагами, но и с самим президентом США. Этот не имею-

ций никаких общих черт с кем-либо из реальных президентов персонаж ввели в сериал из-за реальных событий и представили человеком, одураченным телевизионными новостями, тяготеющим к идее превосходства белой расы и готовым служить ей. Играя с предшественником Салмы С. в гольф, он позволял себе сальные высказывания в адрес женщин, словно был не первым лицом государства, а подростком в школьной раздевалке. Этот полностью вымышленный персонаж был растерян и потрясен, когда трон в Лэнгли, кресло начальника ЦРУ, заняла мисс Салма С. Полностью вымышленная им неприязнь к иммигрантам заставила его думать, что эта темнокожая женщина, шеф ЦРУ, не просто не вызывает доверия, но и, возможно, не вполне может считаться американкой, а его полностью вымышленная неспособность мыслить масштабно заставляла бояться того, как свободно она чувствует себя в киберпространстве, мире хакеров и искусственного интеллекта, и свой страх он проявлял через раздражение, из-за чего мисс Салма С. могла в любой момент лишиться своей должности. В одной из серий она пыталась объяснить президенту, как работают новые агрессивные киберпроцессы, способные разрушать интернет-защиту, встраиваться в систему электронного голосования и тем самым несущие серьезную угрозу демократии как таковой, и сравнила их с некоторыми видами головоногих, осьминогами, способными так искусно мимикрировать, что в определенных ситуациях их практически невозможно отличить от

кораллов. В ответ вымышленный президент почти заорал на нее, как делал всегда, когда чувствовал собственную несостоятельность:

– Восьминиги?! Вы хотите сейчас поговорить о восьминигах? По-вашему, главный враг Америки, взламывающий все ее системы, – гигантские, мать их за ногу, восьминиги?

– Осьминоги, – тихонько поправила его Салма С.

После этого актер, исполнявший роль выдуманного президента, так покраснел, что казалось, вот-вот лопнет. “Осьминоги” мгновенно стали новым брендом, вирусом, интернет пестрел эмодзи с изображением произносящей эти слова Салмы, а реальный мир – футболками с этой надписью. Женщины по всей Америке и за ее пределами быстро начали называть “осьминогами” недалеких мужиков, а либералы обоих полов – недальновидных правых политиков. Лучшей обложкой года была признана обложка “Нью-Йоркера”, на которой мультяшная Салма С. пыталась оседлать гигантского осьминога-убийцу, тянущего щупальца к Белому дому. Журнал “Тайм” изобразил ее многорукой индуистской богиней со щупальцами вместо рук, ядовитой женщиной-осьминогом, столь же притягательной, сколь и опасной, способной убить мужчину одним своим поцелуем.

Было отснято пять сезонов сериала, после чего мисс Салма Р. наконец скинула кожу своей альтер эго Салмы С. и предстала миру полномасштабной суперзвездой. Вопреки советам в этот самый момент она объявила, что на этом за-

вершает карьеру в кино и переезжает из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, чтобы представить на телевидении собственное ток-шоу, которое будет выходить в эфир четыре раза в неделю в дневное время, и больше никогда не работать на кого-то другого. В этот момент она продемонстрировала свою абсолютную независимость и человеческую мощь всем, кто считал ее успех собственной заслугой, кто был уверен, что она *обязана им* всем, чего добилась, и, значит, *принадлежит им*; понимая, что отыметь ее им не удастся, они стремились овладеть ей иначе, все эти агенты, менеджеры, юристы, генеральные продюсеры, исполнительные продюсеры, пиарщики, директора программ, но главное, сильные мира сего, чьи имена никогда не произносятся, но которым мы обязаны всем и вся, глодающие саму основу нашего мира, подобно Нидхеггу, великому змею, точащему корни мирового древа Иггдрасиль – проще говоря, богатые, супербогатые и мегасупербогатые люди, владеющие людьми, которые *владеют* людьми, которым принадлежат кинокомпании, которым принадлежит сериал, который сделал ее звездой первой величины. Сделав вид, что всех их попросту не существует, она начала выпускать свою передачу и через три года превратилась в самую влиятельную женщину Америки после, конечно, Опры, которая быстро провозгласила мисс Салму Р. своей единственной возможной преемницей, чем публично закрепила за ней статус “второго номера”.

В ее новой инкарнации все складывалось так, как мисс

Салма Р. задумала с самого начала, за единственным исключением: по ее первоначальному замыслу программа должна была называться “Измени историю Америки” или, более емко, “Измени Америку”, на что единственный американец, которому она доверяла – тот самый продюсер, что приехал за ней в Бомбей/Мумбаи и уговорил поехать на другой конец света в никуда и пройти над пропастью в неизвестность, а теперь работал президентом основанной ею компании, – заявил, что она придумала ужасные названия, которые никто никогда не запомнит и которые прочно и неприятно будут ассоциироваться с миром хитренькой либеральной элиты. В этом вопросе мисс Салма Р. полностью доверилась американцу и назвала свою программу просто, дав ей собственное имя: *Салма*.

Редакция ее высокорейтингового шоу, расположенная в бывших складских помещениях в Нижнем Манхэттене, трещала по швам, поскольку число сотрудников, ежедневно вскрывающих, читающих, сортирующих и оценивающих приходящую в адрес программы корреспонденцию, возросло до трехсот шестидесяти пяти; они разрывались между посланиями, приходящими на электронный адрес, в социальных сетях и по почте; именно бумажные письма по-прежнему составляли львиную долю входящей корреспонденции, их подвозили к зданию грузовиками и развозили по занимавшему отдельный этаж отделу писем на целом автопар-

ке погрузчиков: триста шестьдесят пять огромных мешков в день – годовая порция писем каждое утро года. Было ясно, что ни один человек не сможет в одиночку контролировать работу с такой тучей корреспонденции, поэтому сотрудники редакции предложили мисс Салме Р., что будут прочитывать все послания, адресованные лично ей, и передавать мисс Салме приемлемое количество писем, по-настоящему достойных ее внимания, ведь для того, чтобы одновременно сидеть рядом с каждым из трехсот шестидесяти пяти читателей и вникать во все письма, мейлы, текстовые сообщения и твиты, лично решать, кому из авторов следует ответить, кому послать приглашение на передачу в качестве гостя, а кого сделать главным героем шоу, мисс Салме Р. просто не хватит двадцати четырех часов в сутках, для этого ей нужно будет изменить ход земного времени. – Значит, изменю ход времени, – ответила она, – ведь мне это нужно.

Единственным будним днем, когда шоу “Салма” не выходило в эфир, был понедельник, которого – благодаря магической силе желания мисс Салмы Р. – ей хватало не только на подготовку к программам, запланированным на неделю, но и на то, чтобы не спеша обойти все триста шестьдесят пять столов работающих с письмами сотрудников и лично решить, что делать с каждым пришедшим посланием. Само время склонило голову перед ее абсолютной властью и шло не так, как обычно: всякий раз, когда кто-то из сотрудников бросал взгляд на часы, они показывали ровно то, что ожидал

увидеть, и несмотря на царившее в офисе по понедельникам очевидное торжество хронометрического хаоса, все сотрудники чудесным образом расходились домой вовремя.

Мисс Салма Р. любила письма, которые писала ей Америка. Не переносила она одного: эпистолярных признаний в любви либо ненависти. Большая часть корреспонденции приходила от женщин – они доверяли ей свои секреты, делились переживаниями из-за лишнего веса, мужей, похотливых начальников, болезней, детей и потери веры в то, что завтра будет лучше, чем вчера, – мужчины, как могли, в силу присущей им эмоциональной неполноценности рассказывали о том, что тщательно скрывали от других – о своей профессиональной и сексуальной несостоятельности, страхе за себя и будущее семьи, ненависти к американцам, не разделяющим их взглядов на жизнь, мечтах о гламурных телках и новых тачках. На ее долю выпало утолить печали Америки, не дать ей утонуть в ненависти, благословить на любовь. Ее личной слабостью были судьбы недавно переехавших в США иммигрантов, историям которых она периодически посвящала отдельные программы из цикла “Они делают Америку великой”.

Через письма она узнавала своих зрителей. Она нянчила их питомцев, вкушала их хлеб, почитала их богов, и им отправляла поздравления по поводу удачно прошедших операций по смене пола или успешно сданных выпускных экзаменов, и знакомила со звездами, которые улыбались и шу-

тили в каждой ее программе. Благодаря письмам она четко поняла, что финансовый успех Америки сделал духовную жизнь американцев очевидно беднее, и осознала, что этот успех совсем не равномерно распределен между представителями всей разношерстной американской нации, а отсутствие материальных благ обедняет духовную жизнь ничуть не меньше. Она дарила поцелуи и раскрывала свои объятия для всех, и несмотря на свой возраст, быстро заслужила репутацию мудрой женщины, а явленная ей в письмах Америка как раз мучительно искала мудрую женщину, к которой можно прислушиваться, новый голос, который вновь наполнит ее жизнь смыслом. Она была частичкой радости в наши неизменно трудные времена. Горы адресованных ей писем вселяли в мисс Салму Р. веру в безграничность собственных возможностей. Ее любви и огня хватит на всех. Ее объятия помогут успокоить неумную боль огромной страны. Прильнув к ее груди, Америка сможет успокоиться и передохнуть. Письма помогли ей стать самой лучшей версией себя из всех возможных. (Разумеется, у нее были собственные демоны, но всякий раз, вступая в неравный бой с демонами Америки, она чувствовала, как они отступают, пусть и на время. Очень скоро мы кое-что узнаем и о ее собственных демонах.)

Письма двух видов сильно отличались от прочих – любовные признания и признания в ненависти. Исполненные яда прямые проклятия заботили ее меньше всего. Ей писали сумасшедшие, религиозные фанатики, завистники, люди,

видевшие в ней причину собственных неудач, расисты, женоненавистники – полный набор. Она передавала их письма службе безопасности и мгновенно забывала об их существовании. Тайные воздыхатели тревожили ее куда сильнее. В большинстве своем это были люди, без меры влюбленные в себя, которые милостиво давали ей понять, как ей повезло стать объектом их любви. Другие ни секунды не сомневались, что она ответит им взаимностью. Встречались и те, кто униженно молил о любви. Некоторые вкладывали в письма свои фотографии, совершая тем самым большую глупость. Если снимки были эротическими, совершенная ими глупость была огромной. Ушатами на нее лилось чужое самолюбование, самонадеянность и самоуничужение, и она ощущала глухую тоску, ведь все это – она сама, отраженная в глазах этих несчастных. Неужели она на самом деле не океан, а жалкая лужа, настолько мелкая, что в нее лезут даже те, кто не умеет плавать? Неужели она не полноценный человек, а вырезанная из бумаги кукла, которую любой может просто сложить пополам и засунуть в карман? Она хотела знать, какой ее видят другие, но от этого знания нередко было тяжело на сердце.

Некоторые любовные письма были адресованы ее героине из “Пяти глаз”, Салме С. Их писали люди, которые по уши погрязли в выдуманном мире и считали себя секретными – двойными или тройными – агентами либо страстно желали стать частью секретного мира и, презентуя себя, в подроб-

ностях расписывали свои патриотические чувства, владение оружием и умение скрываться в толпе. Она должна любить их, считали парни (и женщины) из “Пяти глаз”, ведь никто больше не сможет понять ее так же хорошо, как они. “Мы с тобой одной крови, — заявляли эти обожатели, — ты такая же, как мы”.

Сообщения, приходившие в твиттере, были в основном анонимными и могли с одинаковой вероятностью принадлежать и прыщавым пятнадцатилетним подросткам, и живущим с родителями сорокапятилетним девственникам из какой-нибудь дыры в богом забытых арканзасах и иллинойсах. Все их любовные послания были чудовищно безграмотны. Америка больше не предоставляет своим влюбленным возможность освоить правописание. Да и просто научиться писать от руки. Красивый почерк остался в прошлом вместе с печатными машинками и мажущими копирками. Нынешние влюбленные, строчащие свои послания заглавными печатными буквами, даже не смогут прочесть любовные письма, написанные многими поколениями до них. Рукописный текст выглядит так же, как текст на марсианском или древнегреческом. Мисс Салма Р., для которой эмпатия давно стала рабочим инструментом, не могла заставить себя не чувствовать легкое презрение к таким корреспондентам.

Очень, очень редко получала она письма, которые отличались от прочих так же явно, как лишнее слово в “Улице Сезам”. Когда это случалось, мисс Салма Р. (возможно,

всего на миг) посвящала таким письмам все свое внимание. Первое послание, полученное от незнакомца, подписавшегося “Кишот”, было в их числе. Внимание мисс Салмы Р. сразу привлек удивительно красивый почерк писавшего. Ручка, которую он выбрал, была настоящим дорогим пером, предметом гордости, позволившим автору создать удивительно красивый текст, словно бы он писал ей, чтобы пригласить на свадьбу или бал в королевский дворец. Содержание этого письма также было не похоже ни на одно другое любовное послание. Это было одно из тех редких посланий, в которых не было ни высокопарности, ни вкрадчивости, а также ни единого допущения в ее адрес.

Моя милейшая мисс Салма Р,

Я пишу Вам, поскольку считаю необходимым представиться и настоящим письмом заверить Вас в своей любви. Я твердо знаю, что, когда я окажусь рядом с Вами в должное время, сумею убедить Вас в своей преданности. Уверен, что Вы должны принадлежать мне одному. Вы – мой Грааль, и я начинаю свой крестовый поход. Я вступил на Путь, который приведет меня к Вам. Склоняю голову перед Вашей красотой. За сим навеки остаюсь Ваш рыцарь.

Отправлено улыбкой.

Кишот

Бумага, на которой изящными буквами было выведено послание, напротив, была ужасной, листок явно взяли из блокнота дешевого отеля, предварительно оторвав шапку с

адресом. Мисс Салме Р. хватило этих небольших наблюдений, чтобы понять, что ей пишет человек в годах, юность которого пришлось на время, когда было принято писать красивым почерком, владелец дорогой перьевой ручки, который, возможно, переживает теперь трудные времена и, чтобы скрасить свое одиночество, очень много смотрит телевизор. Выбранный им псевдоним указывал на его образованность, при этом, судя по построению фраз, учился он не в Америке. Она даже безошибочно определила, что – как и для нее самой – английский был для него не родным, известным с колыбели, а выученным языком. На это очевидно указывал как синтаксис (американский английский допускает гораздо больше вольностей), так и орфография (безупречная до невозможности). Загадкой для нее осталась лишь прощальная формула, *отправлено улыбкой*, с ее неожиданной грамматической несогласованностью. Узнай наш наивный герой, как много она узнала из восьмидесяти двух (восьмидесяти трех с учетом подписи-псевдонима) слов его послания, за которыми он, как в надежном коконе, до поры до времени надеялся скрыть свое настоящее “я”, он был бы потрясен и польщен одновременно. Она заметила и по-настоящему внимательно прочитала его письмо, это хорошо. Но то, что он предстал перед ней без прикрас, словно голый, – не очень. Впрочем, Кишоту не дано было узнать этого, а потому оставим его и мы. Оставим с его неведением, глупыми надеждами на успех и ложной уверенностью в своем инког-

нито. Будем милосердны и сделаем так, чтобы он никогда не узнал, что мисс Салма Р. сказала потом:

– Сохраните это письмо, – попросила она наткнувшегося на послание Кишота сотрудника, – оно рождает во мне дурное предчувствие. Сообщите мне, если он напишет снова.

По окончании своего рабочего понедельника она вышла из офиса, устроилась на заднем сиденье в ожидавшем ее “майбахе”, отхлебнула заботливо подготовленный для нее на подлокотнике “грязный martini” (классический, с оливками) и навсегда забыла о Кишоте.

– Мисс Дэйзи⁴, мое почтение, – приветствовал ее водитель.

– Хватит так говорить, Хоук, – ответила она, – ты меня с ума сведешь.

⁴ Отсылка к фильму “Шофер мисс Дэйзи” (1989), где рассказывается о непростых отношениях богатой американки и ее чернокожего водителя.

Глава четвертая

Сестра вспоминает свою

Ссору с Братом и вступает в

многочисленные Противостояния

Великобритания – другая страна, у них здесь все по-другому

Да, мы вынуждены сосуществовать с англичанами какое-то время, и они до сих пор считают нас наиболее трезвомыслящим и предприимчивым народом, но видят, что нас разрывает на куски из-за наших диких, продиктованных ностальгией решений о собственном будущем; особенно явно это ощущается в Лондоне, этом некогда лучшем городе на земле, ставшем похожим на калеку из-за пустующих

многоквартирных домов, принадлежащих иностранным богатым – китайцам, русским и арабам, вкладывающимся в здешнюю недвижимость, словно это просто парковка для армады их невидимых автомобилей; особенно сильно это можно почувствовать на улочках Западного Лондона, ранее облюбованных длинноволосыми представителями богемы родом с Карибских островов, вест-индийцами с их колоритными этническими лавочками; цена жилья в Западном Лондоне росла так быстро, что позволить его себе могут уже исключительно люди с рационально короткими стрижками, на смену цветистости пришли сдержанные фасады элитных бутиков и стильных ресторанов, что же до вест-индейцев, их уже давно попросили из этой части Лондона, и теперь, из-за дикого, продиктованного ностальгией решения о будущем страны, они испытывают неуверенность и вновь сталкиваются с враждебным отношением. Раз в году по этим улочкам проходит карнавал, он проводится по обычаям далеких Ямайки и Тринидада, но теперь, когда переплетение культур выглядит по-другому, а ведь в нем и состоит суть карнавала, он являет – по крайней мере для тех, кто с горечью встречает эти перемены – печальное напоминание о том, какой эта страна была прежде, до того как раскололась на две половины. Да, нам следует признать и то, что подобный раскол произошел и в двух других важных для нашей истории странах, где привел к таким же разногласиям, но большему насилию. В одной из них белые полицейские регулярно убивают чер-

нокожих, арестовывают их прямо в холлах отелей за непозволительную смелость зайти туда, чтобы позвонить маме, детей убивают прямо в школах из-за конституционной поправки, благодаря которой убивать детей в школах стало просто; в другой религиозные фанатики до смерти линчевали человека за то, что у него на кухне нашли мясо, которое показалось им говядиной, мясом священной для индуистов коровы, а восьмилетнюю мусульманскую девочку изнасиловали и убили прямо в индуистском храме, чтобы преподать тем самым урок мусульманскому населению. Так что, возможно, эта Англия еще не самое плохое место, этот Лондон, несмотря на тревожно растущую статистику вооруженных нападений, далеко не самый худший город, да и в Западном Лондоне, пусть он уже не тот, что раньше, жить по-прежнему приятно, а со временем, возможно, станет еще лучше.

Наш добрый читатель, позволь нам маленькое отступление: многие скажут, что истории не должны расти столь беспорядочно, что их нужно возвращать в том или ином месте, чтобы здесь или там они пустили корни, а затем расцвели на той же почве; и все же очень многие нынешние истории оказываются – и должны быть – раскидистыми, многогранными, ведь человеческие жизни и отношения множатся сейчас, как делится ядро атома, семьи разметало по миру, многие миллионы из нас перебивали уже во всех концах земного шара (предположительно круглого и, следовательно, не имеющего концов), как по необходимости, так и по доброй воле.

Возможно, такие разбитые семьи – самое лучшее увеличительное стекло, через которое следует смотреть на наш разбитый мир. Разбитые семьи состоят из разбитых людей, их разбивают потери, нищета, скотское обращение, неудачи, годы, болезни, страхи и ненависть, но вопреки всему они продолжают цепляться за любовь и надежду, эти разбитые люди – мы все разбитые люди! – возможно, самое точное зеркало наших времен: разбросанные по миру осколки, отражающие истину везде, куда бы ни поехали, где бы ни задержались, в каком бы месте ни осели. Мы, мигранты – семенные споры; ветра и ураганы разносят нас по миру, и мы пускаем корни в чужой земле, часто там, где нам не рады, – как, к примеру, сейчас в этой Англии, отравленной дикой, продиктованной ностальгией тоской по выдуманному Золотому веку, когда ценности были исключительно англосаксонскими, а англичане сплошь белыми, – какими бы сладкими ни были плоды на наших ветвях, в какие бы прекрасные сады мы ни вырастали.

Подытожим. Переместимся в этот Западный Лондон, в огромную квартиру над тем самым рестораном, из которого, так уж совпало, много лет начинается знаменитый карнавал! Эта двухэтажная квартира с просторной террасой на крыше была пристроена в наше время сразу над двумя старыми домами. Нижний этаж представляет собой единое залитое светом пространство под высоченным потолком, в северо-восточной части которого, в примыкающей к

бару кухонной зоне мы увидим Сестру – да-да, ту самую сестру, единственную родственницу нашего Брата-писателя, которая смешивает себе “грязный мартини” (классический, с оливками); однозначно она эмигрантка и, очевидно, что из Южной Азии, притом успешный юрист, специалист по гражданскому праву и правам человека, ярый борец за права меньшинств и малообеспеченных слоев населения, много времени отдающий работе на общественных началах; мы не погрешим против истины, если скажем, что она размышляет, да и всегда так размышляла, примерно в том же ключе, что и мы ранее. Пожалуй, единственное, что стоит сказать о ее внешности, это то, что она совсем недавно решила перестать красить волосы, а потому всякий раз немного пугается, видя в зеркале седовласую незнакомку – свою мать, осмелимся мы добавить, заглянув назад сквозь время и пространство. Ну вот, мы представили вам нашу героиню и немного рассказали о ее жизни, а теперь пришло время оставить ее потягивать свой вечерний коктейль в ожидании приглашенных к ужину гостей, мы же, скрывшись в пространстве нашего текста, продолжим рассказывать ее историю.

Сестра порой вспоминала Брата, но неизменно с презрением и обидой. Она хранила Брата в самом дальнем уголке памяти вместе со своими детскими годами: их бомбейским миром, их радиолой, их танцами. Вместе с постоянным ощущением собственной второстепенности по отношению к

Брату, которому доставалось то, что ей даже не предлагали. Она когтями выцарапала себя из ловушки, выбирая то, чего не одобряли ее родители (об этом мы еще расскажем, когда придет время), и получила сразу несколько крупных стипендий, позволивших ей оплатить обучение в английском юридическом колледже и получить то образование, которого они не хотели для своей дочери. Теперь, когда у нее за спиной была долгая блестящая карьера, ее корни были здесь, в этой квартире, на этой улице, в этом городе и этой стране, какой бы она ни была. Тот старый мир исчез вместе с родителями и Братом. Детство превратилось в историю, которую она могла рассказать на званных обедах, историю о ханжестве и двойных стандартах в среде так называемой свободомыслящей индийской интеллигенции. Она решительно оставила его в прошлом и построила свою собственную жизнь. На самом деле ее старая жизнь никуда не исчезла, а продолжала жить внутри нее, как тромб в кровеносном сосуде. Однажды он может оторваться, попасть ей в сердце, и она умрет.

После смерти родителей все заботы легли на ее плечи, поскольку она была их наиболее приземленным ребенком, которому следовало справляться со всем, с чем приходилось справляться – кропавший же второсортные шпионские романчики Брат, очевидно, был слишком большим Художником, чтобы привлекать его к таким заботам, – и после того, как она в одиночку со всем справилась – устроила родителям достойные похороны, решила вопросы с имуществом,

нашла надежных покупателей для “Зайвар бразер” и “Антикварной кондитерской” и с размахом устроила поминки, на которых цвет бомбейского общества, кружась в танцах, рассказывал о Ма и Па смешные истории, то есть все было так, как понравилось бы родителям, – после этого она устроила то, что Брат, как по-настоящему недалекий человек, назвал “злодейским дележом”; тогда-то он и позвонил ей в последний раз и сказал то, что нельзя простить.

– Можешь объяснить мне, что это вообще?

– Ты о чем?

– О сумме, которая сейчас поступила ко мне на счет.

– Твоя доля.

– Доля чего?

– Ты сам знаешь. Всего.

– Моя доля от чаевых, что они оставляли в отелях? Моя доля от разбитой тобой свинки-копилки? Моя доля от мелочи в их карманах? Моя доля от продажи радиолы? Моя...

– Это твоя половина от стоимости их имущества.

– А твоя половина сколько составила, я могу узнать? Девятьсот пятьдесят процентов?

– Я так понимаю, ты хочешь меня в чем-то обвинить?

– Разумеется. У них были бриллианты, а ты прислала мне деньги, как за орехи. “Мона Лиза” по цене печатной репродукции! Слезы вместо дождя! Ты прислала мне половину стоимости неведомого дерьма и утверждаешь, что это половина их состояния! Да ты просто аферистка! Ты такая жад-

ная аферистка, что даже не позаботилась, чтобы твои махинации выглядели прилично! Знаешь что: созову-ка я пресс-конференцию и поведаю всему миру о том, как моя всеми обожаемая Сестра, непримиримый борец за права человека, защитница всех сирых и убогих, Жанна д'Арк всех черно-желто-красно-каких там еще, мать их, – кожих в, мать ее, сияющих доспехах, темнокожая Ланселотка, лучший друг всех паков Земли и главная индианка среди всех вест-индейцев, женщина, к которой бегут, как только какому-нибудь африканскому государству понадобится сочинить конституцию, ходячая свобода слова, беспристрастный оппонент религиозных фанатиков и белых расистов, эта Боудикка пост-колониального мира, мошенничала со стоимостью имущества родителей, чтобы захватить себе все семейное наследство. Отдай мне все оставшиеся положенные мне деньги или готовься лицезреть свою фотографию на всех обложках!

Неумение контролировать свой гнев было ее слабым местом. Она знала это. Она прятала его глубоко, в самых глубинах своего естества, но стоило лишь слегка ослабить контроль, как она покрывалась зеленой кожей, разрасталась до нечеловеческих размеров и на глазах превращалась в Невероятного Халка. Обычно ей удавалось сдерживать его. В этот же раз он вырвался на свободу. Речь оскорбленного Брата выглядела концертом художественной самодеятельности перед выходом на сцену оперной дивы. Словно он махал ножом перед дулом танка. После того как она начала говорить,

вернее, реветь голосом Халка, Брат не смог произнести ни слова. Она пойдет до конца. Он выдвинул ей серьезное обвинение. Если человек, родной ей по плоти и крови, повторит его публично, то мгновенно нанесет ей большой вред. Он собирается прилюдно поливать ее грязью, а ее политические противники – коих немало с учетом резонансных гражданских дел, которые она ведет, – будут просто счастливы воспользоваться этим. Ей ли не знать, что в наше время большинство людей считает, что суд – всего лишь основанный на скоропалительных решениях фарс, где выдвинутые ложные обвинения приводят к тем же последствиям, что и обвинительный приговор. Она просто не может позволить ему сделать с собой такое. Ей любыми способами нужно заставить его навсегда отказаться от этих намерений, если придется, запугать до смерти, так, чтобы его жадная до денег душонка навсегда ушла в пятки, а поганый липкий язык больше не поворачивался. Она справилась и с этим. Она говорила одиннадцать минут без перерыва. Говорила и слышала, как обуревающий Брата ужас течет по всем каналам, его телефонный ужас, цифровой ужас, ужас по вайфаю. В конце речи она заявила:

– Уж будь уверен, я сделаю все, чтобы защитить свое доброе имя. Я, черт возьми, пойду на все. – И повесила трубку.

Никакой пресс-конференции не было. Как не было и дальнейшего родственного общения между ними. И вот теперь, семнадцать лет спустя, потягивая “грязный martini” (клас-

сический, с оливками) в ожидании своих великосветских гостей, она неожиданно углубилась в прошлое.

Служить закону в эпоху беззакония – все равно, что работать клоуном для людей без чувства юмора: либо ты, скажем так, совершенно не нужен, либо без тебя никак не обойтись. В настоящее время Сестра не знала, какое из этих двух утверждений больше относится к ней. Она была идеалисткой. Она верила, что верховенство права вкупе со свободой воли составляют две главные опоры, на которых зиждется свободное общество. (Подобные взгляды не следует слишком часто озвучивать в среде белой лондонской элиты, здесь их приверженцев считают ханжами и фарисеями. Среди темнокожих они также не популярны; здесь вам не поверят и станут ржать в лицо как лошади.) Неудивительно, что то, как менялся этот мир на протяжении ее жизни, расстраивало ее. И закон, и свобода повсюду подвергались атакам. Буйная деградация общества, которую она наблюдала в Индии, с одной стороны, все более укрепляла ее во мнении, что она не хочет иметь с этой все более отвратительной страной ничего общего, с другой же – терзала гораздо сильнее, чем она была готова признать. Непрекращающиеся конвульсии, в которых корчилась Америка, были ей противны, но и здесь, дома, к ней все чаще и чаще попадали дела, в которых жертвами травли, оскорблений или более тяжких преступлений оказывались мигранты. В особо трудные дни (выпитых мартини:

три) она была близка к отчаянью, убеждала себя, что с самого начала неправильно поняла, что представляет собой страна, гражданкой которой она стала и которую считала своей. Всю жизнь она верила, что здесь царят здравый смысл и беззаботность, что здесь легко и приятно жить, но теперь стала замечать, как много здесь также – какое *также, только* оно здесь есть – ограниченности, нетерпимости, и тем, у кого отсутствует главная добродетель, кожа правильного цвета, жить здесь совершенно не легко и не приятно. Всякий раз, когда на нее накатывала подобная тоска, ее муж, судья Верховного суда Годфри Саймонс, становился для нее надежной опорой. Вот и сейчас он спешит к ней вниз по лестнице, празднично одетый по случаю сегодняшнего торжества. На нем вечернее платье в пол от Вивьен Вествуд, жемчужное ожерелье и новые туфли на высоченных каблуках. Он очень постарался, чтобы быть рядом с женой в этот важный для нее вечер во всеоружии. Сестра встретила его появление сдержанными аплодисментами.

– Ты просто великолепен, Джек, – приветствовала она мужа, – шикарно, но с достоинством. А туфли!

– Спасибо, Джек, – поблагодарил судья, – шикарно, но с достоинством! Как раз такого эффекта я и добивался.

Они всегда называли друг друга “Джек”, никаких “лапочек”, “заячек”, “кисок”. Это был маленький личный секрет. У них было так много общего. Одни и те же любимые напитки, в ресторанах они заказывали одинаковые блюда и, когда

их спрашивали про их любимые книги, не сговариваясь, отвечали одинаково. “Волшебная гора”, “Мадам Бовари”, “Дон Кихот”. Неужели ни одного английского автора? Ну, из английских авторов, если хотите, всего один, – ответили бы они и в унисон продекламировали: Энтони Троллоп! Платья им тоже нравились одни и те же. Так что привычка называть друг друга одним и тем же именем имела под собой достаточно оснований.

Вне дома судья предпочитал строгие костюмы в тонкую полоску от портных с Сэвил-роу и сшитую на заказ обувь, которые, в сочетании с седой шевелюрой, придавали ему до невозможности судейский вид. Да и дома он обычно одевался удобно, в брюки и поло с коротким рукавом. Платья и драгоценности доставались лишь по особым случаям. Он никогда не надевал париков. Он не стремился выглядеть женщиной. Он просто был мужчиной, которому нравится иногда наряжаться в женские дизайнерские туалеты. Все знали об этой его особенности и не считали ее чем-то из ряда вон. В конце концов, и про принца Чарльза говорят, что он, будучи большим почитателем исламской культуры, у себя в резиденции Хайгроув принимает гостей в облачении арабского шейха. Тот же случай, хотя и куда менее патриотичный.

В дверь позвонили.

– Готов, Джек? – спросил судья у Сестры.

– Готов, Джек! – ответила та.

В 1601 году, возможно даже 6 января, в большом зале

здания Миддл-Темпла – теперь здесь располагается судебный инн, к которому принадлежит Сестра, – состоялась премьера “Двенадцатой ночи”: труппа “Слуги лорда-камергера” во главе с Уильямом Шекспиром играла для Королевы-девственницы, Елизавету I сопровождала самая изысканная публика, присутствовало и несколько вельмож, послуживших прототипами для героев разыгрываемой пьесы. Предполагают, что роль Мальволио исполнял сам Шекспир. Четыреста лет спустя Сестра была приглашена на проходивший там же большой благотворительный ужин, главным событием которого стало представление реконструированных сцен из первой постановки “Двенадцатой ночи”. Кроме нескольких подающих надежды актеров из Вест-Энда за ее столиком оказался украинский олигарх средней руки, крупный громогласный дядька, который признавался в любви к Шекспиру (“Вы помните, как Иннокентий Смоктуновский играл Гамлета? Не смотрели русский фильм? Какое разочарование!”), демонстрировал отличное понимание пьесы (“На самом деле ночей в пьесе не двенадцать. Какое разочарование!”), под впечатлением от сцены с переодеваниями выдал серию трансфобных высказываний (“Мужики вместо баб! Какое разочарование!”) и до конца ужина продолжил методично портить ей вечер. На следующий день Сестра позволила финансовому директору труппы, который пригласил ее на вчерашнее мероприятие, чтобы – довольно сухо – поблагодарить его за прекрасный вечер.

– Ну что вы, это я вас должен благодарить, – ответил он.

– Меня? За что?

– Вечно недовольный господин, с которым вы вчера говорили весь вечер, сегодня утром выписал нам чек на девятьсот тысяч фунтов.

Тогда она была моложе и, как утверждали окружающие, хороша собой, хотя она сама даже тогда не была в этом уверена. Как бы то ни было, эта история стала ее излюбленной застольной байкой, и вот как раз сейчас она рассказывает ее высоким гостям, собравшимся за ее столом с тем, чтобы официально предложить ей стать одним из независимых депутатов Палаты лордов, а вскоре после этого и спикером Верхней палаты парламента. Ей предстояло стать второй во всей британской истории женщиной, занявшей этот пост. Она чувствовала, словно в одиночку и без кислорода сумела подняться на Эверест. И вот сейчас, стоя на покоренной вершине, она неизвестно почему начала думать о Брате – должно быть, из-за того, что Сестра внезапно поняла, что “Двенадцатая ночь” – пьеса о разлученных брате и сестре, каждый из которых думал, что другой мертв. В конце им все же удалось, преодолев множество препятствий и хитросплетений, найти друг друга и зажить в любви и радости. В горле встал ком, когда она подумала, как далека от шекспировской их собственная с Братом история. Ее Брат был засранцем, который даже и не думал извиняться за свои оскорбления, ни секунды не думал. Неудачником, которому приходится

выживать, кропая сомнительные романы в постоянном страхе, что издательства решат затянуть пояса и его писательская карьера накроется медным тазом. Он вел себя так, словно она уже умерла. (Она сама, надо признать, по большей части платила ему той же монетой.) Как он посмел явиться сюда и отравить ей сегодняшний великий вечер? Он был призраком – хуже, фантомом, живым мертвецом. Почему же для охоты за ней из всех вечеров он выбрал именно этот, почему решил испортить ей триумф?

Справившись с овладевшим ею наваждением, она обнаружила, что за столом среди высокородных аристократов бушует ссора. Молодая баронесса Аретта Алагоа, наполовину британка, наполовину нигерийка, вспомнила один из ключевых для карьеры Сестры случаев. Это было в начале восьмидесятых: в бедном муниципальном квартале на севере Лондона вспыхнул пожар, в нем погибло целых семь семей. Среди местных жителей начались волнения, у здания городского совета собралось около двухсот активистов, требующих немедленно предоставить их семьям и детям безопасное и пригодное для проживания жилье. Сестра отправилась туда, предложила митингующим юридическую помощь и вскоре стала главным переговорщиком; ее грамотное общение с прессой заставило власти начать действовать.

– Для нас, молодых, вы тогда стали настоящей звездой, – сообщила ей Аретта, – очень важно, чтобы именно вы стали спикером в Палате лордов. Вы не просто женщина, вы

женщина из цветных! Такое случится впервые, и это очень, очень важно!

Пришедшие к ней с официальным приглашением представители Палаты лордов принадлежали к разным партиям – так сделали намеренно, чтобы сразу продемонстрировать ей, что ее кандидатура имеет поддержку практически всех политических сил. Очень непростая коалиция, и вот сейчас самый старший из присутствующих, некогда занимавший пост вице-премьера убежденный консерватор лорд Фитч вышел из себя.

– Нет ни малейшей разницы, из цветных она или нет! – провозгласил он. – В любом случае, это крайне странное выражение. Разве не все мы цветные? А я тогда какой? Бесцветный?

– Кто бы осмелился сказать такое про вас, Хьюго? – Баронесса Алагоа не прощала сарказм. – Фактически же цветные – это те, кто постоянно – и не безосновательно! – чувствует угрозу со стороны вашей партии и ее последователей.

– Я не собираюсь терпеть эту чертову показуху! – закричал пожилой Хьюго Фитч. – И поддерживать тех, кто пропагандирует обратную дискриминацию, не собираюсь.

– Это вынужденные ответные меры.

– Это обратная дискриминация! – повторил он. – Все, что меня волнует, это чтобы ответственный пост занял подходящий человек, мне плевать, какой он будет – желтый, коричневый, синий, розовый, зеленый, черный, голубой!

– Вы плюетесь за обеденным столом этого человека, – указала баронесса. – Будь у меня такие взгляды, я бы хорошенько подумала перед тем, как приходить сюда.

– Я пришел не для того, чтобы решать здесь чертову проблему мигрантов, – неприлично громко ответил Фитч, махнув бокалом с красным вином, который, возможно, излишне часто освежал. – Учтите, если вы готовы оказать человеку поддержку только из-за цвета его кожи, вы поддерживаете врага!

– Какого именно врага, позвольте полюбопытствовать, – голос Аретты Алагоа, напротив, звучал очень тихо, – может статься, что и вас?

Слушая эту глупую мелочную перепалку, напоминающую булькающее зелье из яда и ксенофобии, которое готовят нынче все ведьмы новой Англии, Сестра поймала изумленный взгляд мужа и едва сдержалась, чтобы сидевший где-то в глубине ее души исполненный справедливого негодования украинский олигарх не прокричал во весь голос: “Какое разочарование!”

В конце концов старая Англия со своим неизменным принципом “не раскачивать лодку” все же дала о себе знать, спорящие сгладили углы, вечер закончился так, как было задумано, и гости разошлись. Сестра же по-прежнему ощущала присутствие призрака, была потеряна, а ее мысли все сильнее уходили от нынешнего политического взлета, и она падала в кроличью нору прошлого. Насколько теперь силь-

на ее обида на Брата? Было ли то, что нельзя простить, на самом деле совершенно непростительным или лишь отчасти непростительным? Дочь ругала ее за то, что она даже не пыталась сблизиться с Братом. Она прочитала и на удивление высоко оценила несколько бульварных шпионских романов своего дядюшки и, к сожалению, гордилась своим родством с писателем.

— Уж не знаю, что между вами произошло, но это было сто лет назад, — убеждала она мать, — ты на каждом углу твердишь о культуре оскорбленности, *у человека есть право не считать себя обиженным* и все такое, а сама нянчишь свою обиду, как маленького щенка. Хватит уже! Если он умрет или с ним случится несчастье, ты никогда себе не простишь, что так и не помирилась с ним.

Возможно, Дочь была права. Возможно также, Сестра в большей степени боялась саму себя, боялась, что ему снова удастся разбудить в ней темное начало. Они встретятся, упадут друг другу в объятия, со слезами и смехом признают, какими идиотами были все эти годы, вместе оплачут то, чего нельзя вернуть, потом расскажут о том, как жили все это время, о детях, возлюбленных, о работе, затем вернуться в детство, превратившись в примерного старшего брата и чудную маленькую сестричку, но как долго будет все это длиться? Двадцать четыре часа? Сорок восемь? А потом он непременно скажет что-то такое, что выпустит из тайников ее души демона, которого она изо всех сил прячет там за се-

мью замками, и когда монстр с ревом вырвется на свободу, мало что останется от них обоих. Сестра боялась того, во что Брат мог превратить ее. Такова была правда.

Был и еще один тяжелый эпизод. Она помнила о пощечине.

Более сорока лет назад Пожилой Художник с Печальным Лицом, благородный представитель старой, во многом ориентировавшейся на западные образцы модернизма и абстракционизма школы, был вынужден уехать из Индии из-за преследований со стороны религиозных фанатиков с одухотворенными лицами и озаренными светом собственной нетерпимости глазами. Он просто вышел из дома, сел на ночной самолет и улетел в Лондон, как багаж прихватив с собой Сестру. До этого момента Па и Ма даже не догадывались о запретном, но непреодолимом чувстве, которое их тогда еще несовершеннолетняя дочь несколько лет назад пробудила в Пожилом Художнике с Печальным Лицом, которое Сестра, несмотря на шестидесятилетнюю разницу в возрасте, всячески поощряла, поскольку увидела в нем свой билет на свободу, шанс улететь из клетки, ограниченной традициями родительской любви, не предусматривавшей для нее иной роли, кроме как *деши* Джейн Остин, сельской Джейн Остин, озабоченной лишь поиском мужа и деторождением. Он был благородным швейцаром, готовым распахнуть перед ней двери в мир, где нет стен и потолков, где она сможет стать боль-

шой, расправить крылья и полететь. Она тайно встречалась с ним до и после своего совершеннолетия и сохраняла свою девственность до тех пор, пока он не сообщил ей, что, возможно, будет вынужден уехать из страны, бежать от этих сумасшедших, после чего она взяла инициативу в свои руки и заявила, что не поедет через полмира с немолодым уже человеком, если не будет уверена, что он сможет удовлетворить ее в постели. Она проэкзаменовала Пожилого Художника с Печальным Лицом, после чего – заметив, что он сдал экзамен не *cum laude*⁵, но, с учетом всех обстоятельств, заслуживает положительной оценки, а значит, она поедет с ним, и пусть все остальное летит к чертям. Втайне от всех они быстро поженились, выправили Сестре паспорт и в одну из ночей улетели в Лондон, навсегда разбив сердца ее родителей. В то время ее переполняли предвкушение большого приключения и юношеский максимализм, и она хотела сделать родителям как можно больнее, отомстить им за упрямое нежелание финансово поддержать ее мечты.

Брат единственный знал о ее тайном романе. Он догадался обо всем, приехав из колледжа на каникулы, и с гримасой первобытного ханжеского ужаса на лице напустился на нее с обвинениями, однако Сестра с блеском отбила эту атаку – он не оставил ей выбора, и она спустила на него своего внутреннего Халка, заставив замолчать от ужаса.

– Если ты скажешь кому-то хоть слово, – по-змеиному

⁵ С почетом (лат.).

прошипела она, – не совершай этой ошибки, я тебя убью! Ты будешь спать в своей кроватке, а я приду с кухонным ножом и зарежу тебя, ты уснешь живым, а проснешься мертвым. Не совершай этой ошибки!

Почти то же самое она повторила ему несколько лет спустя. *Даже не сомневайся. Я, черт возьми, пойду на все.* В обоих случаях он и не сомневался в этом. В обоих случаях не сказал ни слова. Конечно же, он ее за это возненавидел.

Через два месяца, в ночь, когда Сестра покидала родительский дом навсегда, родители, как обычно, были где-то на вечеринке, и она надеялась отбыть без ненужных сцен. Однако, как только она подошла к двери на улицу, перед ней неожиданно появился Брат. Он догадался, что происходит, и загородил ей выход, словно живое воплощение негодующей добродетели.

– Уйди с моей дороги! – потребовала Сестра.

– Иуда! – заявил он. – Ты понимаешь, что предаешь всех нас?! Ты гадкий человек, ты Иуда!

– Уйди с дороги! – повторила она.

Тогда он совершил то, что удивило и потрясло ее, а у него, наверное, отняло все душевные силы. Он подскочил к ней, очень быстро, так, чтобы она не могла увернуться, и ударил ее, очень сильно, ладонью по лицу справа. Она едва устояла на ногах от удара, из оглохшего уха тонкой струйкой потекла кровь.

– Можешь идти, – сказал он и пропустил ее.

Когда ее великий вечер закончился, Сестра без сна лежала в постели и рассматривала позолоченных херувимчиков и фарфоровые цветы на люстре. Он ударил ее, это так. Ударил по-настоящему – через две недели из уха вышел кровавый сгусток, и всю дальнейшую жизнь она испытывала определенные проблемы со слухом. С другой стороны, то, что она сделала тогда, никак ее не красит. Но и она показала себя не в лучшем виде, однако благодаря этому обрела ту жизнь, которую хотела. Получив стипендию и поступив в юридический колледж в Миддл-Темпл, она не слишком хорошо поступала по отношению к Пожилому Художнику с Печальным Лицом. Она упивалась заполнявшими ее жизнь новыми вещами, а он чувствовал себя старой ненужной вещью, которую впору выбросить. Он все понимал, ни о чем ее не спрашивал и довольно скоро избавил от факта своего существования. Четыре года спустя Пожилой Художник с Печальным Лицом умер во сне, оставив ей наследство, достаточное, чтобы обеспечить ее до конца жизни. А она получила диплом юриста, придумала ту, кем хотела быть, стала ею, встретила судью, вышла замуж во второй раз, родила дочь. Брат поднял на нее руку, и это то, что нельзя простить. Или можно? Засыпая, она слышала, как живущая внутри нее маленькая девочка ее забытым детским голосом вопрошает:

– Он ударил меня, *потому что я этого заслужила?*

И тут же ответила ей взрослым голосом:

– Нет, *не заслужила*.

В этом они тоже были похожи с судьей: оба верили, что закон делает людей лучше, возвышает их, внушает им почтение и трепет, ведь только он приводит мир к тому *блаженному состоянию, при котором* (у Вордсворта) “все тяготы, все тайны и загадки, / Все горькое, томительное бремя / Все-го непознаваемого мира / Облегчено покоем безмятежным”⁶. Решая любые проблемы, она привыкла обращаться к закону, но в этот раз даже он был не в силах ей помочь.

“Если он умрет или с ним случится несчастье, ты никогда себе не простишь, – сказала Дочь. Однако кое-чего она не знала, поскольку ей не говорили.

Едва ли из них двоих Брат умрет первым.

– Спокойной ночи, Джек, – попрощался с ней судья из своей спальни. Они теперь спали в разных комнатах.

– Я люблю тебя, – отозвалась она.

Судья не ожидал этих слов, а потому, будучи человеком привычки, ничего не сказал ей в ответ.

Ничего страшного. Она не сомневалась в его любви.

⁶ Перевод В. Рогова.

Глава пятая

Кузен Кишота, “добрый” доктор Смайл, Человек со множеством Секретов

Среди многочисленной и процветающей индийской диаспоры Атланты (население 472522 чел.) доктор Р. К. Смайл был известен как “маленький король”. Даже среди старшего поколения мало кто помнит сегодня забавный мультфильм Отто Соглова и его главного героя – маленького, похожего на шарик человечка с пышными подкрученными усами в длинной отороченной мехом красной мантии и островерхой золотой короне. Мультяшный маленький король был любителем невинных удовольствий и симпатичных женщин. Сними желтую корону, и получится довольно точное описание

фармацевтического миллионера Смайла. Он любил играть в игры своего индийского детства – установил стол для игры в карром в своем постколониальном особняке на Пичтри-Баттл-авеню, содержал хорошо известную, правда на уровне Атланты, крикетную команду (“В крикет мы играем так себе, но экипировка у нас что надо!”) и время от времени организовывал в парке Сентенниал любительские соревнования по *кабадди*. Он был счастлив в браке со своей женой Хэппи, мастерицей по приготовлению бирияни, но не отказывал себе в удовольствии флиртовать с каждой встретившейся симпатичной женщиной, что нашло отражение в его втором прозвище, которое использовали исключительно у него за спиной преимущественно молоденькие представительницы индийской диаспоры Атланты: Малыш Большие Ручонки.

Несмотря на склонность распускать руки, у индийцев Атланты мистер Смайл пользовался неизменным уважением как щедрый меценат, поддерживавший издание печатной и электронной версии лучшей индийской газеты Атланты “Радждхани”, что в переводе означает “столица”, своим названием утверждавшей Атланту в статусе индийской столицы Америки, и широкой души человек, осуществлявший вспомоществования всем индийским объединениям города, организациям соотечественников самого разного рода, как общеиндийским, так и специализированным по языковому (бенгали, гуджарати, хинди, тамили, телугу), варновому, ка-

стовому, религиозному либо конфессиональному признаку (он жертвовал деньги адептам Деви, Махадева, Нараяны и даже приверженцам малых культов – железного бога Лохасуры, бога-коня Кходияла и бога холеры Хар дуля). Он проявлял одинаковую щедрость к мусульманским и индуистским организациям, однако не разделял всеобщего восхищения местных индийцев премьер-министром Индии Нарендрой Моди, его партией Бхарата Джаната Парти (БДП) и ее идеологическим прародителем, Союзом добровольных слуг Родины (СДСР). Единственными собраниями индийской диаспоры, приглашения на которые он всегда вежливо отклонял, были мероприятия со сбором средств для поддержки этих организаций в Индии. Несмотря на это, он пользовался популярностью среди всего разношерстного индийского населения Атланты и даже называл себя живым подобием связующей всех местных индийцев силы, благодаря которой семьдесят пять тысяч южноиндийских мусульман Атланты и сто тысяч их собратьев-индуистов становятся значительно ближе друг к другу. При всем при том он сам не был религиозным человеком – его ни разу не видели ни в огромной мечети Аль-Фарух на Четырнадцатой улице, ни в трех десятках других мечетей Атланты.

– Честно говоря, – признавался он своим самым близким друзьям, – я (а) не испытываю внутренней потребности в молитве, к тому же (б) чисто внешне храм Сваминараяны нравится мне больше.

Он имел в виду большой кришнаитский храм в Лилберне.

– Но прошу за это строго меня не судить, *яар*. Я простой аптекарь. Я делаю лекарства.

В своем бизнесе по производству лекарств, в том числе строго рецептурных препаратов, он действовал прямолинейно, решительно и – как мы очень скоро увидим – совершенно беспринципно.

– Еще дома, в старые времена, – рассказал он во время выступления на одном из гала-вечеров индийской диаспоры, – на углу нашей улицы был небольшой аптечный пункт, его хозяин охотно продавал любые лекарства без рецепта от врача. Он сидел, скрестив ноги, в своем киоске и просто махал рукой. “Забирай, позже занесешь”, – мог сказать он, но когда ты приходил к нему в следующий раз, никогда не спрашивал, где прошлый рецепт. Попросишь у него двадцать таблеток обезболивающего, а он возражает: “Зачем так мало? Бери целую коробку. Зачем мучаться и бегать каждую неделю, береги свое время!” То, что он делал, вредило здоровью людей, но точно шло на пользу бизнесу.

Когда он сказал это, прозвучал ностальгический смешок, но мистер Смайл погрозил уважаемой публике пальцем и укоризненно зацыкал:

– Дамы и господа, здесь нет ничего смешного.

Позднее, когда его империя пошатнулась, люди, возможно, говорили:

– Он как будто прямо признавался нам. Стоял перед нами

и смеялся в глаза. С невозмутимым видом рассказывал про свои делишки и про то, как их придумал.

– Многие из нас хорошо устроились в Америке, – продолжал он, – и тоже благодаренье небесам. Всем нам сейчас живется здесь хорошо. При этом многие из нас продолжают думать, что их корни остались в прошлом. Это не так. Мы живем в новом месте, наши обычаи не стыкуются с американским образом жизни, никто не говорит здесь на наших языках. Мы сами тащим за собой эти вещи. Наши корни – в нас самих, друг в друге. Мы сохраняем свою идентичность в своих телах и умах. Благодаря этому мы можем идти вперед, выйти за пределы, завоевать весь мир.

Позднее, когда его империю постиг крах, люди, возможно, говорили:

– Он был слишком жадным. Он хотел завоевать весь мир. Он заявлял нам об этом прямо в глаза, он стоял перед нами и во всем признавался. А мы были слишком глупы, чтобы понять это.

Прежде чем продолжить рассказ, мы должны поподробнее остановиться на важности исторических корней или хотя бы на том, что наш добрый – или, как оказалось, не такой уж и добрый – доктор Смайл имел в виду, когда говорил о своих корнях в случаях, когда хотел затронуть эту тему. Мы уже упоминали его предполагаемого предка, которому в начале прошлого века отказали в американском гражданстве,

ссылаясь на то, что он не является свободным белым человеком. Пришло время сорвать с этой истории завесу тайны – она зазвучит совсем по-другому, как будто мы сдернем с птичьей клетки платок и заточенная в ней птица начнет петь. Как нам удалось выяснить, его звали Далип Смайл, его имя впервые всплывает в истории как имя известного лондонского шеф-повара, работавшего сначала в “Савое”, а затем в “Сесиле”, который в 18дб году был самым крупным отелем в Европе. Владелец одного из лучших ресторанов Нью-Йорка “Шеррис”, перевез прото-Смайла и его супругу-англичанку в Нью-Йорк, на угол Сорок четвертой улицы и Пятой авеню, чтобы привить американцам вкус к индийской пряной кухне. (Жена-англичанка – каков поворот! – непредвиденное звено генетической межрасовой цепочки! Однако мы отвлеклись.) Далип Смайл – очень странное имя, ведь если, как настаивал доктор Смайл, фамилия “Смайл” произошла от *Исмаил*, то “Далип” могло быть сокращением от *Далипсингхджи*, индуистского раджпутского имени (как у знаменитого игрока в крикет), в то время как предки Смайлов, по всей вероятности, происходили из Карачи. Когда его спрашивали о странном противоречии в имени предка, доктор Смайл лишь пожимал плечами:

– Возьмите любую семью индийских мусульман и проследите их род хотя бы на несколько поколений, – возможно, говорил он, – вы непременно найдете того, кто перешел в ислам из другой веры.

И более не желал ничего ни обсуждать, ни объяснять.

Ценным в биографии предка для него было то, что Далип Смайл был звездой, большим человеком и *avant la lettre*⁷ звездным шеф-поваром, в большей степени любимым женщинами, в особенности после того, как он во всеуслышанье заявил, что блюда, которые он готовит, способствуют женской красоте и усиливают привлекательность, а карри и вообще является мощным афродизиаком. До нас не дошло сведений о том, была ли его жена-англичанка рада его профессиональному успеху у женщин. Как бы то ни было, в один прекрасный день она скрылась в неизвестном направлении, и этот факт может рассказать о ее чувствах гораздо красноречивее любых слов; после ее ухода шеф Смайл неоднократно сочетался браком и разводился с чередой американских девушек, каждая моложе прежней. Он начал представляться принцем: принц Далип Смайл, четвертый сын эмира Белуджистана (ложь). Говорил, что является выпускником Кембриджа (ложь), а также близким другом короля Эдварда VII (правда). (Удивительно, но эта часть его собственных фантазий о себе отчасти воплотилась в жизнь: на короткое время король согласился быть патроном Далипа Смайла – это продлилось до тех пор, пока король не узнал, что остальные заявления Далипа Смайла о себе – ложь.) Золотой век шеф-повара – всего несколькими годами позже – был завершен. У него начались проблемы с законом.

⁷ Здеcы Как сказали бы мы сейчас (фр.).

После того как ему было отказано в получении американского гражданства, Далип вернулся в Англию, но уже спустя несколько лет приехал обратно в Штаты с невероятно огромным числом сопровождающих. В то время в Америке действовал закон, накладывавший тысячедолларовый штраф на лицо, способствовавшее чьей-либо иммиграции путем предоставления ему в США работы. Далип Смайл сделал подобные предложения двадцати шести людям. Сам он отрицал это. Его обширное сопровождение состояло исключительно из туристов, говорил он, туристов и друзей. Власти на это не повелись. Ресторан “Шеррис”, испугавшись штрафа в двадцать шесть тысяч долларов (семьсот тысяч в нынешних деньгах), прекратил сотрудничество с шефом Смайлом, для которого начался период долгого упадка, в конце которого он вместе со своей последней женой-американкой вернулся в Индию, где его следы потерялись. Если в Америке у него остались дети, их имена неизвестны.

Индийская диаспора Атланты долгое время не знала этой истории. Версия, которую излагал доктор Смайл и которую все принимали без лишних вопросов, была сильно отредактирована. В ней кулинарный гений предка живописался в подробностях, а эпизоды, связанные с обманом, махинациями и мошенничеством, были опущены. И только после того, как случилось все то, что случилось, какой-то дотошный писак докопался до настоящей истории Далипа Смайла и выяснил, что для установления родства между знаменитым ше-

фом и миллиардером-фармацевтом нет достаточных оснований. И вновь его товарищам, индийцам Атланты, оставалось лишь качать головами и удивляться собственной готовности быть обманутыми. “Он не просто сознательно претендовал на родство с аферистом, но и совершал тем самым аферу, – писала одна из индийских газет, – проявлял такую же наглость: он ничего от нас не скрывал, а мы, поддавшись его обаянию, были слепы. Так он поднялся высоко-высоко. Но теперь рухнул”.

В последнее время супруга доктора Смайла подняла его на недостижимую высоту. Сыновья доктора Смайла уехали в колледж, чтобы изучать там исключительно полезные вещи, механику и финансы, в то время как их мать, миссис Хэппи Смайл, была большой любительницей искусства и теперь, когда ее гнездо опустело, начала убеждать мужа, что им просто необходимо приобщиться к этому миру, даже несмотря на то, что он считает искусство совершенно бесполезной вещью, а связанных с ним людей – бесполезными людьми. Сначала мистер Смайл решительно отверг ее предложение создать семейный благотворительный фонд и жертвовать деньги на проекты в области искусства, но супруга стояла на своем; она выяснила, какое большое внимание арт-индустрии уделяют создатели препарата оксиконтин, и верно решила, что муж не сможет противиться духу соперничества. Она выбрала момент, когда муж с бокалом мятного джулепа в руках

отдыхал после рабочего дня в тени рододендрона в саду их особняка на Пичтри-Баттл-авеню, и обратилась к нему:

– Мы должны делиться, ты согласен? – начала она. – Это правильно.

Мистер Смайл неодобрительно взглянул на нее, и она поняла, что разговор будет непростым. Поджав губы, она неодобрительно уставилась на него в ответ.

– Чем именно я должен делиться? – спросил он. – Что дал нам мир, чтобы мы должны были ему что-то отдавать?

– Ты меня не так понял, – начала так она мягко и вкрадчиво, как только умела, – я просто хотела сказать, что нужно показать всем, как мы благодарны обществу, которое помогло нам обрести очень-очень много всего.

– Общество не помогло мне приобрести ровным счетом ничего, – заявил он. – Все, что я имею, я заработал сам, потом и кровью.

– Этот оксиконтиновый *кхандан*, эта семья – вот кто много отдает, – миссис Смайл достала из кармана припрятанного туза, – их семью, их фамилию очень-очень уважают. Неужели ты не хочешь, чтобы нашу фамилию тоже очень-очень уважали?

– О чем ты говоришь? – в голосе мистера Смайла зазвучала заинтересованность.

– Их именем названо очень-очень много крыльев всего. У них свое крыло в Метрополитене, свое крыло в Лувре, свое крыло в британской Королевской Академии художеств. Тот,

у кого очень-очень много крыльев, летает очень-очень высоко.

– Мы с тобой не птицы, к чему нам крылья?

– Дело не в крыльях. В “Тейт модерн” их именем назван эскалатор, в Еврейском музее Берлина – лестница. У них даже роза есть их имени, розовая. И еще звезда. Очень-очень много всего.

– А мне-то что за дело до астероидов и эскалаторов?

Ответ на этот вопрос она подготовила заранее.

– Брендинг, – провозгласила она, – продвижение продукта. Ты грамотно вкладываешь деньги в свое имя, и твое имя начинают любить. Очень-очень. Любовь народа очень-очень способствует бизнесу, разве нет? Все будет очень-очень здорово!

– Да, – согласился он, – любовь помогает бизнесу.

– А я про что. Пришло время делиться, понял теперь?

– Ты все это подстроила, – догадался он.

Она залилась краской и захлопала в ладоши.

– Оперные театры, художественные галереи, университеты, больницы, – перечисляла она, не переставая аплодировать, – все будут очень-очень счастливы, а твое имя станет очень-очень известным. Еще хорошо бы начать коллекционировать предметы искусства. Сейчас мода на все индийское. На китайское тоже, но мы патриоты и будем поддерживать свой народ, да? Цены растут прямо на глазах, инвестиционный потенциал у этого вложения отличный. В нашем

доме столько стен! Мы сможем предоставлять картины из своей коллекции в постоянное пользование крупнейшим музеям, это тоже прославит твоё имя, очень-очень. Разреши, я все устрою сама. Кстати, – привела она решающий аргумент, – в мире искусства женщины очень-очень красивые. Вот что я хотела сказать.

Мистер Смайл любил свою жену.

– Окей, – согласился он. – Крыло Смайла, корпус Смайла, галерея Смайла, балкон Смайла, дворик Смайла, лифт Смайла, туалет Смайла. И звезда Смайла в небе!

В ответ она запела.

– Когда ты улыбаешься, когда улыбаешься, – пела она.

– Весь мир улыбается вместе с тобой, – подхватил он.

Что ж, настало время раскрыть определенные секреты, которые тщательно хранили доктор Р. К. Смайл и высокопоставленные сотрудники его компании *Smile Pharmaceuticals Inc* (сокращенно SPI, произносится как английское *spy*, “шпион”). Эти секреты в первую очередь связаны с тайной жизнью главного продукта компании, сублингвального фентанилсодержащего спрея, *InSmilfT*, которому фирма во многом обязана своим процветанием, но отчасти касаются и других опиоидных препаратов, производство которых происходит на главном заводе SPI в Альфаретте, штат Джорджия (население 63038 чел.). История эта довольно некрасивая. В конце концов, мы говорим о человеке, находящемся на

пике своей карьеры, щедрым, пользующемся всеобщим уважением и даже уже почти любимом. Очень неприятно сбрасывать такой персонаж с пьедестала и открывать, что он – колосс на глиняных ногах. Подобные разоблачения бросают тень на всю диаспору, и многие сочтут их попыткой выставить на всеобщее обозрение грязное белье. Но что поделать: если здание начало рушиться, рано или поздно ваше грязное белье увидят все. К моменту, когда доктор Р. К. Смайл приехал к своему родственнику Кишоту, чтобы объявить ему об окончании их официального сотрудничества, компания SPI уже была объектом пристального внимания властей, хотя доктор Смайл не принимал эти подозрения всерьез. В это время миссис Хэппи Смайл энергично осваивала роль мецената в сфере искусства, и затеянные ею спонсорские проекты уже породили в обществе вполне благосклонные обсуждения перспектив присвоить имя доктора Смайла новому крылу Высокого музея искусств Атланты и вот-вот готовому открыться новому корпусу Центра сценических искусств Кобб Энерджи; какое-то время жители города даже склонялись переименовать и назвать его именем огромную площадь Джона Пембертона, на которой располагались музей “Мир кока-колы” и океанариум Джорджии.

– Дай мне пять лет, – говорила она мужу, – и я сделаю так, что в Атланте ты будешь популярнее кока-колы.

Как известно, человек предполагает, а Бог располагает. Молнии ударяют даже в безоблачном небе. Откуда доктор Р.

К. Смайл мог знать, что у него уже не было пяти лет, чтобы дать их своей супруге?

Но начнем сначала: много лет назад, когда он делал самые первые шаги в фармацевтическом бизнесе, доктор Смайл поехал в Индию навестить друзей и родственников; на одной из бомбейских улиц мальчишка раздавал рекламные листовки. Доктор Смайл взял одну. “Вы алкоголик? – прочитал он. – Мы можем помочь. Звоните по этому номеру, и мы доставим вам алкогольные напитки на дом”.

Идеальная бизнес-модель, подумал он.

Эту листовку он с тех пор всегда носил с собой. SPI превратила в жизнь идеальную бизнес-модель с огромным успехом, во впечатляющих количествах реализуя свою продукцию даже в самых крошечных городишках. Когда впоследствии дело доктора Смайла готовили для передачи в суд, всплыли совершенно удивительные факты. Так с 2013 по 2018 год SPI ежегодно поставляла по пять миллионов доз вызывающего сильное привыкание опиоида в городскую аптеку Кермита, Западная Вирджиния (население 400 чел.). В аптеку соседнего городка Маунт-Гей, Западная Вирджиния (население 1800 чел.) ежегодно поступало шесть миллионов доз опиоидов. *Воистину звоните по этому номеру, и мы доставим вам алкогольные напитки на дом.* В компанию Смайла позвонили почти все аптекари и врачи страны.

Невероятный объем сделок объяснялся еще одной уникальной особенностью бизнеса SPI – подобного не происхо-

дило больше нигде в фармацевтической отрасли, – вы могли быть приняты на работу даже при полном отсутствии опыта продаж медицинских препаратов и без диплома о высшем, не то что профильном, образовании. Выдвигалось всего два требования. Вы должны быть активны, напористы и агрессивны и обладать безупречной внешней красотой.

SPI собрала самую красивую армию продавцов во всей Америке. (Один из их главных конкурентов, компания *Merck*, тоже шла по этому пути, но SPI продемонстрировала гораздо большие уверенность и энтузиазм.) Как выяснилось впоследствии, главой отдела продаж по Восточному региону США, головной офис которого находился непосредственно в Атланте, была небезызвестная Дон Хо, ранее работавшая танцовщицей в стрип-клубе “У Дженнифер” в Вест-Палм-Бич, Флорида (население 108161 чел.). В SPI она отвечала за продажи *InSmile™* — препарата настолько опасного, что врачи могли назначать его только в соответствии с особыми инструкциями – по всему густонаселенному Восточному побережью США. Коммерческий директор компании доктора Р. К. Смайла был стопроцентно уверен в ее профессиональных компетенциях. Коммерческого директора звали Айвэн Джуэл; до того как попасть в компанию доктора Смайла, он успел поработать менеджером по продажам аквариумов, медицинского оборудования для диагностики сонного апноэ и билетов на транспорт в виртуальном агентстве в Нью-Джерси, которое лишили лицензии после того, как два года под-

ряд оно подавало неправильно оформленный годовой отчет. Айвэн Джуэл и сам был весьма хорош собой, как он сам говорил, типаж Клинта Иствуда. “Я готов на все что угодно, лишь бы получить *на несколько долларов больше*”. Он был согласен с доктором Смайлом, что флоридский стрип-клуб – не то место, где крупные фармацевтические компании набирают свои кадры, но настаивал, что Дон Хо – чрезвычайно ценный работник.

– С ней тепло, она очень мила и умеет слушать, – говорил он. – А теперь представьте себе врачей, которые работают с раковыми пациентами с сильными болями. Дни и ночи вокруг них рак и предсмертная агония. И тут к ним приходит красивая женщина: это – раз – прекрасная возможность отвлечься, а если она готова выслушать все твои горести, облегчить твой стресс, поддержать, возможно, слегка помассировать плечи, не важно, ты уже превозносишь ее до небес, и два – когда оказывается, что эта женщина пришла продать тебе что-то, ты охотно покупаешь у нее все что угодно. Вот что нам нужно – раз и готово, сделка закрыта! Лично я вижу в ней человека, который будет закрывать для нас сделку за сделкой. Я собираюсь использовать ее (а) после неудачного общения с другим торговым представителем и (б) когда клиент сомневается, вчера говорит да, сегодня нет, а завтра нам нужно его твердое да. После общения с ней такие точно купят. Красивая женщина, которой интересны вы и общение с вами, – то, что нужно в подобных случаях. Это как улуч-

шенная версия вашей жены, только очень красивая и совершенно не напрягающая.

Маленькому Королю, известному также как Малыш Большие Ручонки, пришлось по вкусу такие доводы.

– Если у тебя еще есть женщины вроде нее, – велел он своему коммерческому директору, – мы возьмем их всех.

И все же объяснить невероятное количество сделок компании тем, что в ней работали специалисты по продажам исключительной красоты – вдобавок к работающим с врачами-мужчинами прекрасным женщинам для работы с врачами-женщинами в штат были приняты несколько похожих на Клинта Иствуда накачанных красавцев – нельзя. Внешняя красота вкупе с драйвом и агрессией – этого все еще недостаточно. Если хочешь втюхать запрещенное к продаже лекарство практикующему онкологу, придется прибегать к различным техникам. *Материальное стимулирование* — вот более точное, чем *техники*, слово. Набор дополнительных материальных бонусов.

Доктор Р.К. Смайл лично придумал открыть при компании собственный лекторий. Вообще-то эта идея была лишь отчасти оригинальной. Идея привлекать известных докторов для продвижения какого-то конкретного продукта среди других докторов довольно стара. Сарафанное радио всегда считалось самым эффективным инструментом продаж. Но если вы хотите призвать *нарушить инструкцию*... Х-м. Это на грани. Может, даже за гранью, ведь под *нарушени-*

ем инструкции подразумевается рекомендация выписывать препарат в случаях, не предусмотренных в инструкции, в не предусмотренных для него целях. Ну и, конечно, в любых случаях, закрывая глаза на баловство наркоманов или, того хуже, серьезную зависимость. Иными словами, предложенное *нарушение инструкции* может превратить простого врача в *наркодилера*. А может и в *наркобарона*.

– Всю свою жизнь я – в прямом и переносном смысле – пересекаю границы, – рассказывал доктор Р.К. Смайл на открытии первого заседания врачебной конференции “SPL Делимся знаниями и информацией” в городке Эврика, штат Монтана (население 1037 чел.), небольшого закрытого мероприятия, которое проходило в историческом здании городского совета, одноэтажном бревенчатом строении в рустикальном стиле. – Я как-то прочел в одной книге, что если летаешь над землей, то не видишь никаких границ. Это стало моей высотой и жизненной позицией. Благодаря привычке высоко летать я стал человеком, для которого не существует границ.

Эти слова стали тайным кредо всех сотрудников SPI. Они все летали высоко и не видели границ.

После конференции в Эврике доктор Смайл утвердил для лектория компании бюджет в три миллиона долларов. Со временем работа с врачами стала вестись все более хитроумными методами. Компания выбирала и приглашала лекторов из числа докторов, авансом выплачивала им гонорары

за лекции, которые потом, в силу непредвиденного стечения обстоятельств, оказывались отменены, при этом, согласно условиям договора, осуществленные докторам выплаты не подлежали возврату компании. Годовой бюджет в три миллиона долларов полностью уходил на такие, весьма значительные, выплаты – к примеру, потенциальные лекторы получали кто 56 тысяч долларов, кто 45 тысяч, кто 33 тысячи или даже 67 тысяч долларов в год за выступления, которые даже не планировалось проводить! Такой бюджет сулил возможности для множества докторов. Такой бюджет позволил привлечь – скажем прямо, завербовать – медицинских светил. Эти врачи стали убежденными сторонниками препарата *InSmile*/ готовыми в обмен на существенное вознаграждение выписывать его *с нарушением инструкции*, убеждать коллег поступать так же и даже самостоятельно разбираться с возможными неприятными последствиями.

Да, к сожалению, некоторым из них приходилось проходить через процедуру расследования, возбужденного против них медицинскими инстанциями их штатов, но они справлялись с этим! Они выплачивали предписанные штрафы и продолжали сотрудничество с компанией доктора Смайла. Да, к сожалению, на некоторых врачей накладывали более серьезные дисциплинарные взыскания, поскольку они, к сожалению, в своей преданности препарату зашли слишком далеко! Это случалось, к сожалению, когда врачи предположительно выписывали рецепты на препарат пациентам, которые впо-

следствии умирали от передозировки назначенного врачом препарата! Когда, к сожалению, врачи предположительно назначали *InSmile™* пациентам, вообще не страдающим терминальными раковыми болями! Когда, к сожалению, эти врачи, предположительно обманывали национальную программу медицинского страхования “Медикэр” на миллионы и миллионы долларов! Когда, к сожалению, они предположительно обманывали и частные страховые компании, выставляя им счета за процедуры, которых на самом деле не проводили! На специалиста по управлению болью и по совместительству лектора врачебной конференции “SPI. Делимся знаниями и информацией” из Род-Айленда наложили дисциплинарное взыскание! Другого лектора данной конференции, врача-невролога, арестовали! Подобные случаи повергали доктора Смайла и всех сотрудников SPI в настоящий шок. Компания тут же объявляла, что приостанавливает либо прекращает сотрудничество с такими медиками. У нее была безупречная репутация. Просто дополнительно организовала лекторий, вот и все. SPI не имела, да и не могла иметь, ни малейшего отношения к тому, чем выступавшие в нем лекторы могли заниматься в свободное от лекций время. Созданная ею врачебная конференция “SPI. Делимся знаниями и информацией” пользовалась в медицинском мире заслуженным вниманием и уважением, а если участвовавшие в ней уважаемые врачи делали выбор в пользу препарата *InSmile™*, это означает только, что они признавали его

высокое качество. Любые попытки возложить часть вины за такие вопиющие случаи на сотрудников SPI смешны и даже оскорбительны. Действительно, среди менеджеров по продажам в компании работает несколько детей лекторов врачебной конференции, но их нанимали, руководствуясь выдающимися внешними данными, а не родственными связями. В конце концов, все они взрослые мужчины и женщины, и расценивать их работу в компании как возможность для руководства оказывать влияние на родителей-медиков – крайнее неуважение в отношении как SPI, так и этих достойных красивых людей. У SPI нет нужды выкручивать своим клиентам руки. Профессионалы покупают ее продукцию, потому что она им нравится.

Одним из любимчиков доктора Смайла был доктор Артур Штейгер, опытный анальгезиолог из города Бизби, Аризона (население 5200 чел.), которому предписали прекратить назначать своим пациентам любые обезболивающие препараты, поскольку против него было начато серьезное расследование. К этому моменту он получил от “SPI. Делимся знаниями и информацией” гораздо больше, чем любой другой практикующий врач, гонораров за лекции, несмотря на то что все долгожданные мероприятия, на которых он должен был выступать, оказались отменены из-за непредвиденного стечения обстоятельств. Доктор Штейгер публично выступил в свою защиту. – Мы видим, что власти развязали настоящую войну против врачей, которые регулярно используют

в своей практике опиоиды, – заявил он. – Лично я сторонник агрессивного подхода к медицине. Я агрессивно помогаю своим пациентам. Я также сторонник заботы о них. И я агрессивен в заботе о своих пациентах. Таков уж я.

– Даже я не сказал бы лучше, – заверил доктор Смайл свою супругу Хэппи, прочитав заявление Штейгера.

Она любовно кивнула в ответ.

– Ты тоже борец, как этот доктор Аризона, – сказала она. – Только представить, как ты все это время боролся за благополучие нашей семьи. Очень-очень многого достиг, очень-очень большого успеха. Когда я завершу свою миссию, тогда твое имя будет везде – им будут называться музеи, концертные залы, рыболовецкие танкеры, парки... Очень-очень много людей будет уважать тебя очень-очень сильно. И тогда весь этот шум закончится сам собой. Мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, – продолжала она, – я слышала, так говорили по телевизору. Я сделаю так, чтобы все стало возможно для тебя.

Ее поддержка тронула доктора Смайла. Он любил свою жену. Его мучал вопрос: не обидится ли она, если он попросит ее немного похудеть.

Подвижные крылья его личного “Гольфстрима G650ER” напоминали доктору Р. К. Смайлу прическу жены. Ему казалось, что если бы волосы Хэппи Смайл были самолетом представительского класса, то вмиг домчали бы его прямо-

ком в Дубай. Самолет был его любимой игрушкой. В ясные солнечные дни он мог поднять его в воздух без всякой цели, просто чтобы несколько часов полетать над Атлантай, парком Стоун-Маунтин и соседними Атенсом (население 115452 чел.), Итонтоном (население 6555 чел.) и Милледжвиллом (население 18933 чел.), над лесами Чаттахучи и Талладега или над местами, которые проходили участники марша Шермана. Железный генерал Томас Джексон, Роберт Эдвард Ли, Братец Кролик, дерево, которое принадлежит самому себе, война между штатами – все это расстиралось внизу, под ним, а он парил высоко в небе и ощущал себя в такие моменты истинным сыном Юга, которым, естественно, не был. Он пытался читать “Унесенных ветром”, заучивал диснеевскую “Песенку Юга” и патриотические песни Стивена Фостера, хотя на самом деле всегда был далек от литературы и музыки. К тому же – как, прямо скажем, все прочие связанные с культурой артефакты – эти произведения всегда наводили его на мысли о жене, которую, поднимаясь в небеса, он оставлял на земле. В полеты он обычно приглашал из SPI пять-шесть менеджеров по продажам, бывших коллег Дон Хо по стрип-клубу “У Дженнифер” в Вест-Палм-Бич, и то, что происходило в воздухе, оставалось в воздухе. Доктор Р.К. Смайл не был примерным семьянином, он сам признавал это в редкие минуты погружения в себя и размышлений о жизни, однако подобные эпизоды, по его мнению, (а) происходили не на земле, а потому не могли иметь отношения к

его земной жизни, и (б) удовлетворив свои тайные фантазии, *нарушив инструкцию*, он возвращался к Хэппи Смайл еще более примерным мужем.

По пути из Флагстаффа после встречи с Кишотом доктор Смайл грустил; его тоску не могла развеять даже синхронная забота со стороны всех шестерых специалистов по продажам. Его бедный престарелый родственник Исмаил Смайл всегда был среди сотрудников SPI белой вороной – старик среди молодых, доходяга, окруженный здоровяками, одинокий, безнадежно отсталый, эдакий всеобщий безумный дедушка. При этом он держался с определенным достоинством, был всегда тщательно выбрит и одет, обладал хорошими манерами, красиво говорил, демонстрируя исключительный словарный запас, всегда находился в приподнятом настроении и мог в любой момент обезоружить собеседника своей искренней прекрасной улыбкой. Теперь, когда Кишота пришлось уволить, доктор Р.К. Смайл опасался самого плохого. Немолодой человек ударится в драму, начнет бесцельно скитаться из ниоткуда в никуда в поисках своей невозможной любви. В один прекрасный день доктору Р. К. Смайлу позвонят из мотеля в самой глухой тьмутаракани, он поднимет в воздух свой “Гольфстрим G650ER”, привезет прах родственника в Атланту, чтобы предать его земле где-нибудь в тихом уголке Джорджии. И день этот, может стать, совсем не за горами.

Когда в конце разговора с Кишотом доктор Смайл по-

просил того “иногда оказывать ему небольшие личные услуги и туманно намекнул на некие “неофициальные поставки без огласки”, то не имел в виду ничего конкретного. Своей просьбой он хотел поддержать старика, дать ему уйти с достоинством, чувствуя, что он все еще нужен. Подразделение, занимающееся поставками продукции частным лицам, иначе говоря, VIP-обслуживанием, в компании SPI официально отсутствовало, а о его неофициальном наличии было известно очень ограниченному кругу, в который не входила даже верная супруга доктора Р. К. Смайла. Тайное обслуживание желаний самых богатых и чрезвычайно знаменитых представляло собой особый сектор теневой американской экономики, который нельзя было игнорировать, но важно было сохранять в *строжайшей тайне*. Доктор Смайл умел хранить секреты, кроме того, ему льстила возможность осуществлять частные визиты в дома сильных мира сего. После того как компания внесла некоторые изменения в формулу оксиконтин, превратившие препарат в серьезное медикаментозное средство, гарантирующее – в отличие от других подобных лекарств – тем, кто использует сублингвальный спрей в немедицинских целях, мгновенное достижение искомого состояния блаженства, спрос на *InSmile™* среди частных лиц, бесспорно достойных исключительного отношения и секретных домашних поставок, значительно возрос. Все больше роскошных особняков от Миннеаполиса до Беверли-Хиллс гостеприимно распахивали ворота перед непри-

метными арендованными машинами, на которых прибывал доктор Смайл. Он лично совершал эти визиты – маленький, ничем не примечательный внешне, он как нельзя лучше подходил для этой тайной работы: его внешность не бросалась в глаза, а неброскость – один из главных козырей в подобном бизнесе. Как все американцы, доктор Смайл сходил с ума по звездам, и возможность заходить прямо в дамские будуары и пещеры холостяков и лично встречаться там с людьми, что взирают на страну с обложек глянцевого журналов, давала ему ощущение американской радости, которую подогревало тайное знание о том, что на самом деле он, возможно, ценнее, чем большинство этих известных всему миру людей, чьи эротичные глаза, губы, груди и ноги были для него обычными проявлениями того, что доктор Смайл – как-никак, профессиональный врач – называл профессионально поддержанным совершенством. Он тоже был профессионалом. И тоже, пусть и в своем роде, поддерживал их.

Когда спустя некоторое время до доктора Смайла через самых доверенных докторов его лектория дошел слух, что некая особа, в прошлом звезда индийского кино, а ныне легенда американского прайм-тайма, была бы признательна, если бы компания организовала для нее обслуживание на дому, он в голос рассмеялся и захлопал в ладоши.

– *Арэ, кья бат!* – вскричал он в тишине своего домашнего офиса. – Вот так так!

Ведь теперь, если все пойдет хорошо, он сможет помочь

своему бедному родственнику прикоснуться к собственной недостижимой мечте, хотя бы раз до того, как наступит неминуемый трагический конец. В силах доктора Смайла было организовать встречу безумного Кишота с его прекрасной дамой, и эта мысль грела ему сердце.

Но не будем забегать вперед. Нам еще только предстоит узнать, как произойдет секретное обращение мисс Салмы Р. в компанию Смайла и что будет в это время происходить с распадающимся на части миром.

Глава шестая

Санчо, воображаемый Сын Кишота, пытается осознать собственную Природу

Санчо Смайл. Так меня зовут. Это я уяснил, но остаюсь в неведении по поводу всего остального. Правду сказать, я даже сам до конца не уверен, что действительно существую. Хотя бы потому, что мир вокруг цветной, а я – черно-белый. Смотрю на себя в зеркало и вместо лица вижу там фотоснимок лица. Что я при этом чувствую? Второй сорт. Низшая лига. Как-то так. К тому же я пока, похоже, невидим для всех, *кроме него*. Моего так называемого “отца”. Он один меня видит. Я знаю, что невидим, потому что, когда в Муркрофте, Вайоминг, где я появился на свет, мы зашли переку-

силь в “Сабвэй” и он стал спрашивать, что я буду, сэндвич там, газировку, люди смотрели на него. Так смотрят на сумасшедших. Он как будто говорил сам с собой, а я стоял рядом и был готов закричать: *“Посмотрите на меня! Вот он я, здесь!”* Но другие люди просто не чувствуют, что я существую. Для них я это, как его... Недоступен для чувственного восприятия.

Я подросток, придуманный семидесятилетним стариком. Видимо, мне следует называть его *Отцом*. Только как? Откуда я вообще должен почувствовать, как это называется... Родство. Мы же только познакомились. Он не растил меня, не гонял со мною мяч в парке или чем там еще отцы занимаются с детьми в реальной жизни. Я просто – бум! – и появился рядом с ним. Минуту назад никого не было, а теперь вот он я. И что я, по-вашему, должен испытывать? Любовь с первого взгляда? Очень сомневаюсь.

Еще есть одна проблема.

Я ограничен его физическим пространством. Привязан к нему. Не думаю, чтобы нормальных *отцов* связывали с нормальными детьми подобные узы. Стоит мне совсем немного отойти в сторону, чуть-чуть отдалиться от человека, создавшего меня, я начинаю ощущать... Не знаю, как это правильно называется... Что нахожусь вне зоны действия сети. Словно сигнал слабеет, прерывается, пропадает. А если я захочу уйти от него, чтобы немного побыть в одиночестве? Просто чтобы он не дышал мне ежесекундно в затылок? Стоит мне

чуть дальше отойти от него, я тут же чувствую, что — как это сказать... Разваливаюсь на части. Деревенею в некоторых местах. Это как картинка в телевизоре при плохом сигнале. Это бесит. А еще мне страшно. Всякий раз, чтобы вернуть себе высокое разрешение, я вынужден подходить ближе к нему, или я могу исчезнуть вовсе. Это ужасное чувство. Быть связанным с другим человеком невидимой цепью, быть в его власти. Как это называется, я знаю.

Рабство.

А еще — только не подумайте, что я давлю на жалость — я ребенок, у которого нет матери. Я много думаю, на что похожа материнская любовь, что чувствуешь, когда положишь голову ей на колени, а мама, *мамочка*, теребит твои волосы.

Зато я знаю много всякого разного. Много заумных вещей. И откуда, скажите на милость, я, тинейджер, только вчера появившийся на свет по прихоти семидесятилетнего старикашки, могу все это знать? Боюсь, ответ очевиден: я знаю то же, что знает он. Внутри меня, если прислушаться, все прочитанные им умные книги и любимые телешоу, словно я смотрел их сам. И если присмотреться, я могу видеть все его воспоминания, словно они мои собственные: как он ребенком свалился с дерева и ему зашивали голову, как в девять лет решил поцеловать девочку из Австралии, но порезал язык об ее брекетсы, велосипедные прогулки, школьные разборки, стряпню его матери... Все его воспоминания

живут в моей голове.

Есть и кое-что еще. Чрезвычайно странное. Иногда, когда я копаюсь в своей собственной голове и перебираю его мысли, знания и слова, пытаюсь доискаться до собственных воспоминаний, которые неизбежно оказываются его воспоминаниями, выяснить собственную судьбу, которая – я достаточно умен, чтобы различать такие вещи – не может быть его судьбой, мне кажется, будто, только изредка, не всегда... Такое странное чувство, что кроме нас двоих *здесь находится кто-то третий*. Безумие, да? Я такой же сумасшедший, как этот старикашка. Но кто – или что – это может быть? Я сейчас скажу, как есть, а вы уж сами решайте, есть ли в этом смысл и прозвучат ли мои мысли... *адекватно*. В те моменты, когда я ощущаю присутствие кого-то еще, мне кажется, что все мы числимся где-то друг за другом через одинаковую косую черту: *я/старикашка/этот кто-то*. Этот имярек – да! – придумал его точно так же, как он придумал меня. Имярек вкладывает ему в голову свои мысли, сообщает ему свои чувства, делится с ним своей жизнью так же, как старикашка проделывает это со мной. Тогда чьи воспоминания на самом деле хранятся в моей голове: старикашки или этого фантома?

Попятить можно. Есть я – косая черта – есть он, придумавший меня – косая черта – есть кто-то, придумавший его. Кто это может быть? Кто ты? И если ты изначальный Творец, могу ли я считать тебя и своим создателем тоже?

Вообще-то для этого есть слово. Для парня *по ту сторону истории*. Старикашка, *Папа*, знает об этом ох как много. Не думаю, что он ощущает присутствие этой сущности так же ясно, как я, что он вообще верит в нее, но размышляет о ней он постоянно. А значит, и я с ним. Приходится. И уже хочется наконец взять слово самому, чтобы сказать: это Бог. Думаю, мы бы классно поговорили, он и я – Бог и я – мы бы поняли друг друга, ведь мы, так сказать, соприродны; мы ведь, как всем известно, воображаемые.

Если тебя придумали настолько правдоподобным, что ты воплотился, так сказать, во плоти, значит ли это, что ты просто существуешь? Если бы я только знал, как добаться до Бога, я бы спросил его об этом. А еще о том, ощущает ли он, что люди его видят. Я знаю, множество людей верят, будто беседуют с ним каждый день, будто он – их проводник и пастырь, бла-бла-бла, вот только делает ли он это на самом деле? Он же может просто стоять незамеченным в стороне и наблюдать за ними, как за людской толпой на оживленном переходе. Хотя не знаю. По крайней мере, в меня-то точно никто из людей по неосторожности не врежется, поскольку я – вуаля, см. выше – недоступен для чувственного восприятия.

Даже у Бога есть мама. В этом мы *с ним* не схожи. Скажу во множественном числе – даже у богов есть мамы. Дева Мария и ей подобные. Адити – мать Индры. Рея – мать Зевса. Если бы я только знал, как добаться до всех этих богов, я бы

спросил у них, как это – чувствовать материнскую любовь. Были ли они близки со своими матерями? Вправду ли это блаженство? Разговаривали ли? А может, матери давали им дельные советы, которые те с благодарностью принимали? И обязательно ли класть маме голову на колени?

Еще меня мучает вопрос об изначальном. Есть ли у матерей матери? У божественных матерей? Это сложно. Было ли так, что не было ни времени, ни пространства, вообще ничего, до Рождения, с которого все и началось? Я спрашиваю, потому что у меня есть только он, *Отец*, у которого, как можно догадываться, тоже был отец, и дед, и прадед... А я... Он создал меня сам, в обход всей этой цепочки, путем этого, как там его... Партеногенеза. Так появляются на свет водяные блохи, скорпионы и оруссиды, так появился на свет и я. Так могут и боги. Дионис был рожден из бедра Зевса. Афина Паллада во всей красе – из его головы. Но он – *Отец* — совсем не похож на бога. Поймите правильно, я не хочу его обидеть. Просто это факт – он не похож на обитателя Олимпа.

Пора взять себя в руки. Санчо, очнись. Очень может быть, что *по ту сторону истории* нет никого и ничего. Это все просто иллюзии. Двоение в глазах. Эхо-камера. Дежа вю. Мало ли что еще. Просто это он, *Отец*, становится эхом самого себя. Видимо, так. Меня устраивает. Все остальное – чистое безумие, т. е. словно я поверю в Бога. А я не соби-

раюсь ни сходить с ума, ни уверовать в Бога. У нас в машине уже есть один начисто сдвинутый старый пердун, и этого вполне достаточно.

И все же оставляю за собой право как-нибудь еще поразмышлять об этом на досуге.

У него явно что-то произошло когда-то. То, что изменило всю его жизнь к худшему. Он прячет это очень глубоко, но я стараюсь доискаться. Приходится нырять на уровень ниже, под всех этих Розанн, Эллен, еще бог весть каких героинь ситкомов, Вупи Голдберг и сериал про автомобильное караоке. Под всей этой фигней из телевизора в его голове запрятано столько прочитанных книг, что даже я говорю об этом, хотя в жизни не держал в руках ничего, кроме журналов с красивыми женщинами во всю обложку – чем меньше на них надето, тем лучше. “Максим”, “Спорте иллюстриред”, посвященный плаванию – все, что я знаю о книгах. Для того чтобы быть в курсе интересующих меня событий, вполне хватает. Да и их за свою короткую жизнь я прочел не так уж много. Но у него в башке настоящая огромная библиотека – и что он, спрашивается, с этим делает? Он дни напролет снова и снова смотрит повторы научно-популярных программ о конце света. А еще “Закон и порядок. Специальный корпус”. Да он точно бы втюрился в Оливию Бенсон, читай Маришку Харгитей, если бы уже не съехал на некоей мисс Салме Р., Опре номер два, любимице Америки, оче-

видно способствующей улучшению демографической ситуации в стране, в особенности среди молодежи.

Копаясь в его мыслях о Маришке, мне кажется, я начинаю нащупывать нить, ведущую к его темному веществу. В той ячейке его памяти, где, как в альбоме на *“Pinterest”*, хранятся изображения Маришки, есть комментарий. Как и у нее, его мать умерла, когда ему было три года. Но в отличие от погибшей в страшной аварии Джейн Мэнсфилд она просто умерла от рака. *Просто от рака.* Я не боюсь так говорить, ведь подозреваю, что в силу своей необычной природы не обладаю ни иммунитетом, ни способностью заболеть человеческими болезнями. Так что плевал я на рак с высокой колокольни. В гробу я его видал, вот как. Так я про Маришку – ей было три, а Джейн тридцать четыре. Все случилось на 90-м шоссе недалеко от моста в Новом Орлеане, и наша будущая Оливия тоже была в той гребаной машине. Такое страшно пережить. Я понимаю это. И чувствую, как было страшно ему. Он был в больничной палате, как будущая Оливия на заднем сиденье машины. Может, это и другое. Но похоже. Он держал мать за руку, пока она не испустила последний вздох. Трехлетний ребенок. Когда он понял, что она умерла, бросил ее руку и выбежал из палаты с криком: *“Это не она!”*

Я вижу его. Маленький мальчик с бомбейского холма. Знаю ли я что-то о Бомбее? Не больше, чем знает он. Смотрю его воспоминания: похороны матери, рыдания отца-художника и его собственное, ни слезинки, молчаливое оцепе-

нение. А потом он теряет свой дом — как только что потерял свою мать; больше никакого Бомбея, отец-художник не в силах оставаться там, где все напоминает ему об утрате, и уезжает на Запад, теперь я вижу Париж. Ребенок хочет обратно. Он так тоскует по дому, что заболевает по-настоящему. Начинаются проблемы с сердцем — тахикардия, аритмия. Ему не нужен Париж. Ему нужна мама. Он хочет к маме и — господи, как они называют эту штуку? Ах да, — *кулфи*, индийское мороженое. Из лавочки рядом — как там это место? Чоупати. И на площадку в виде гигантского ботинка в этом... в парке Камала-Неру. Ничего подобного рядом нет. Он что теперь, француз? В своей квартире невдалеке от Люксембургского сада они с папой слушают на французском “Дон Кихота” Массне. Ему не нравится быть французом. Отец-художник не в силах совладать с тоской — ни своей, ни ребенка — и вскоре отправляет сына в закрытый пансион в Англию. Я вижу его. Сын тропиков в сердце холодной английской равнины. Он смотрит на нацарапанный на стене его маленькой комнатки расистский лозунг “*Убирайтесь вон, чурки!*”. Он смотрит на маленького паршивца, которого застал на месте преступления с мелком в руке. А потом я вижу насилие. Он хватается гаденыша за воротник рубашки и ремень брюк, отрывает от пола, колотит и тычет мордой в расистскую надпись. Похоже, тот в нокауте. Он убил этого говнюка! Нет, к сожалению, не получилось. Тот приходит в себя и уползает прочь; впредь он будет тщательнее готовиться. Малолетних

преступников, готовых занять его место, хватает.

В сухом остатке: он способен к внезапному насилию. По крайней мере, один раз в жизни с ним такое случилось.

Я вижу его. Он смотрит на сочинение по истории, которое писал долго и вдумчиво. Пока его не было, кто-то вошел в его комнату, порвал листок на мелкие кусочки и сложил их в центре стола в аккуратную кучку. Вижу, как он пишет письма отцу – письма, полные вымысла. *Сегодня я набрал тридцать семь пробежек, а потом был полевым игроком и трижды поймал мяч.* Он совсем не умеет играть в крикет, но в письмах в этом спорте ему нет равных. Он никогда не пишет отцу о том, что три вещи могут сделать твою жизнь в английском пансионе невыносимой. Если ты иностранец – это раз. Если ты умный – это два. И если ты неспортивный – три. Три страйка – ты больше не в игре. С двумя пунктами из трех еще как-то можно выжить. Но не с тремя. Если ты умный иностранец, хорошо играющий в крикет – способный набрать тридцать семь пробежек, а потом трижды поймать мяч, – тебя готовы терпеть. Если ты англичанин, при этом умный и не склонный к спортивным играм, тебя простят. С тобой смирятся, даже если ты неспортивный глупый иностранец, даже тогда ты справишься. Но он как раз собрал всю триаду. Я вижу, как он прислушивается к разговору в комнате за тонюсенькой стенкой, его поливают грязью. В пансионе им не разрешали смотреть телевизор. Его роман с телевидением начался позже. В школьные годы он утешался

иначе – шел в библиотеку, уединялся в комнате с желтым томом “Библиотеки фантастики” издательства “Голланц” и перемещался в придуманные миры и альтернативные реальности, как можно дальше отсюда, через галактики и межзвездные пространства.

Я вижу его. Он – первый и последний человек на Земле. Ученый на вершине исландского ледника Снайфедльс-ёкюдль, наблюдающий за движением тени горного пика, которая вот-вот достигнет воронки, ведущей к центру Земли. Вот он в странной подводной лодке под названием “Наутилус” на глубине двадцать тысяч лье под водой в компании капитана со странным именем Немо, капитан Никто. Он – военачальник на вершине самой высокой горы Марса, следящий за приближением вражеских войск через красную пустыню. А вот – скрывающийся в лесу мятежник, заучивающий наизусть “Преступление и наказание”, поскольку это единственный способ сохранить для потомков великие тексты, ведь настоящие книги предаются огню при оптимальной для горения бумаги температуре 232,78 градуса Цельсия, что равняется 451 градусу по Фаренгейту. Он – мужчина с вживленным в области лба диском, который начинает светиться всякий раз, когда рядом с ним появляется женщина, вызывающая у него сексуальный интерес, и очень удобно, что эти диски вживлены всем – сразу видно, кто кого привлекает, и можно приступать к главному, не тратя времени на глупые ухаживания и флирт. Он – человек с собакой, по глупой

случайности угодивший в так называемый хроно-синкласти-ческий инфундибулум и навсегда размазанный в пространстве и времени. Он – сотрудник НАСА, и он страшно взволнован, поскольку у него запрашивает разрешение на посадку летающая тарелка с инопланетянами, точь-в-точь похожими на людей, когда он сажает корабль, то внезапно теряет его из виду, и пока он бежит к летному полю, инопланетный корабль тонет в луже, ведь он такой маленький и инопланетяне в нем крошечные; примчавшись, он не замечает лужи, наступает в нее и окончательно уничтожает корабль пришельцев. Он – техник компании IBM, покидающий монастырь в Тибете, где установил суперкомпьютер, ведущий подсчет всех девяти миллиардов имен Бога – монахи верят, что, когда эта работа будет закончена, человеческий род завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку, – и вот он летит в самолете домой и думает, что компьютер должен завершить подсчеты, а за окном на его глазах звезды медленно исчезают одна за другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.